

graffiti

Сергей Жада́н

граффити

Ворошиловград

Сергей Жадан
Ворошиловград

«Фолио»

2011

Жадан С. В.

Ворошиловград / С. В. Жадан — «Фолио», 2011

«Ворошиловград» - роман жесткий, меланхоличный и реалистичный. Насколько вообще может быть реалистичным соцреализм. Однажды ты узнаешь, что твой брат исчез в неизвестном направлении, приятели занимаются финансовыми аферами, а бизнес пытаются перекупить представители непонятных структур. Реальность оказывается зыбкой и исчезающей, жизнь делает шаг в сторону, и ты неожиданно оказываешься между своим прошлым, где тебя ждут друзья, и будущим, где тебя ждут враги. Истории украинского рейдерства посвящается.

© Жадан С. В., 2011

© Фолио, 2011

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	18
3	31
4	42
5	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Сергей Жадан

Ворошиловград

Часть первая

1

Телефоны существуют, чтобы сообщать о всяких неприятностях. Телефонные голоса звучат холодно и официально, официальным голосом проще передавать плохие новости. Я знаю, о чем говорю. всю свою жизнь я боролся с телефонными аппаратами, хотя и без особого успеха. Телефонисты всего мира продолжают отслеживать разговоры, выписывая на свои карточки наиболее важные слова и высказывания, а в гостиничных номерах на ночных столиках лежат сборники псалмов и телефонные справочники – все, необходимое для того, чтобы не утратить веру.

Я спал в одежде. В джинсах и растянутой футболке. Проснувшись, бродил по комнате, опрокидывал пустые бутылки из-под лимонада, стаканы, банки и пепельницы, заляпанные соусом тарелки, обувь, злобно давил босыми ногами яблоки, фисташки и жирные финики, похожие на тараканов. Когда снимаешь жилье и обитаешь среди чужой мебели, приучаешься относиться к вещам бережно. Я держал дома всякий хлам, как старьевщик, прятал под диваном грампластинки и хоккейные клюшки, забытую кем-то женскую одежду и добытые где-то большие железные дорожные знаки. Я не мог ничего выбросить, поскольку не знал, что из всего этого принадлежит мне, а что является чужой собственностью. Но с самого первого дня, с той самой минуты, как я сюда попал, телефонный аппарат лежал прямо на полу посреди комнаты, вызывая ненависть своим голосом и своим молчанием. Укладываясь спать, я накрывал его большой картонной коробкой. Утром выносил коробку на балкон. Дьявольский аппарат лежал посреди комнаты и назойливым дребезжанием возвещал, что я кому-то нужен.

Вот и теперь кто-то звонил. Четверг, пять утра. Я вылез из-под одеяла, отбросил картонную коробку, взял телефон, вышел на балкон. Во дворе было тихо и пусто. Из боковой двери банка вышел охранник, устроил себе утренний перекур. Когда тебе звонят в пять утра, ничего хорошего от этого не жди. Сдерживая раздражение, снял трубку. Так все и началось.

– Дружище, – я сразу узнал Кочу. Голос у него был прокуренный, будто вместо легких в него вмонтировали старые прожженные динамики. – Гера, друг, не спишь? – Динамики хрипели и выплевывали согласные. Пять утра, четверг. – Алло, Гера.

– Алло, – сказал я.

– Друг, – радостно подбавил низких частот Коча, – Гера!

– Коча, пять утра, что ты хочешь?

– Гер, послушай, – Коча перешел на доверительный свист, – я не стал бы тебя будить.

Тут такая шняга. Я ночь не спал, понял? Вчера брат твой звонил.

– Ну?

– Короче, он уехал, Герман, – тревожно зависло на другом конце Кочино дыхание.

– Далекое? – сложно было привыкнуть к этим его голосовым перепадам.

– Далекое, Герман, – включился Коча. Когда он начинал новое предложение, голос его фонил. – То ли в Берлин, то ли в Амстердам, я так и не понял.

- Может, через Берлин в Амстердам? – переспросил я.
- Может, и так, Гер, может, и так, – захрипел Коча.
- А когда вернется? – я успел расслабиться. Подумал, что это просто рабочий момент, что он просто сообщает мне семейные новости.
- По ходу, Гера, никогда, – трубка снова зафонила.
- Когда?
- Никогда, Гер, никогда. Он насовсем уехал. Вчера звонил, просил тебе сказать.
- Как насовсем? – не понял я. – Коча, у вас там все нормально?
- Да, нормально, друг, – Коча сорвался на высокие ноты, – все нормально. Вот только брат твой бросил тут все на меня, ты понял?! А я, Гер, старый уже, один не потяну.
- Как бросил? – не понял я. – Что он сказал?
- Сказал, что в Амстердаме, просил позвонить тебе. Сказал, что не вернется.
- А заправка?
- А заправка, Гер, по ходу на мне. Только я, – Коча снова подбавил к своему хрипению доверительности, – не потяну. Проблемы у меня со сном. Видишь, пять утра, а я не сплю.
- А давно он уехал? – перебил я.
- Да уже неделю назад, – сообщил Коча. – Я думал, ты знаешь. А тут такая вот шняга выходит.
- А что ж он мне ничего не сказал?
- Я не знаю, Гер, не знаю, дружище. Он ничего никому не сказал, просто взял и свалил. Может, хотел, чтоб никто не знал.
- О чем не знал?
- О том, что он сваливает, – пояснил Коча.
- А кому какое дело до него?
- Ну, не знаю, Гер, – заюлил голосом Коча, – не знаю.
- Коча, что у вас там случилось?
- Гер, ты ж меня знаешь, – зашипел Коча, – я в его бизнес не совался. Он мне ничего не объяснял. Просто взял и свалил. А я, дружище, один не потяну. Ты бы приехал сюда, разобрался на месте, а?
- В чем разобрался?
- Ну, я не знаю, может, он тебе что-то говорил.
- Коча, я не видел его полгода.
- Ну, не знаю, – окончательно растерялся Коча. – Гер, дружище, ты приезжай, а то я один ну никак, ты меня пойми правильно.
- Коча, что ты темнишь? – наконец спросил я. – Скажи нормально, что там у вас случилось.
- Да все в порядке, Гер, – Коча закашлялся, – все нормалек. Короче, я тебе сказал, а ты уже сам смотри. А я пошел, у меня клиенты. Давай, дружище, давай. – Коча бросил трубку.

Клиенты у него, подумал я. В пять утра.

* * *

Мы снимали две комнаты в отселенной коммуналке, в самом центре, в тихом дворике, засаженном липами. Лелик занимал проходную комнату, ближе к коридору, я жил в дальней, с выходом на балкон. Остальные комнаты коммуналки были наглухо закрыты. Что скрывалось за дверьми – никто не знал. Комнаты нам сдавал старый матерый пенсионер, бывший инкассатор Федор Михайлович. Я его называл Достоевским. В девяностых они с женой решили уехать в эмиграцию, и Федор Михайлович выправил себе паспорт. Но, получив на руки новые

документы, вдруг передумал куда-то ехать, решив, что теперь самое время начинать новую жизнь. Так что в эмиграцию жена отправилась одна, а он остался в Харькове якобы стеречь квартиру. Почуввав свободу, Федор Михайлович сдал комнаты нам, а сам скрывался где-то на конспиративных квартирах. Кухня, коридоры и даже ванная этого полуразрушенного жилища были забиты довоенной мебелью, потрепанными книгами и кипами журналов «Огонек». На столах, стульях и прямо на полу были свалены посуда и разноцветное тряпье, к которым Федор Михайлович относился нежно и выбрасывать не позволял. Мы не выбрасывали, и к чужому хламу добавился еще и наш. Шкафчики, полочки и ящики стола на кухне были заставлены темными бутылками и банками, в которых поблескивали подсолнечное масло и мед, уксус и красное вино (в нем мы гасили окурки). По столу перекатывались грецкие орехи и медные монеты, пивные пробки и пуговицы от армейских шинелей, с люстры свисали старые галстуки Федора Михайловича.

Мы с пониманием относились к нашему хозяину и его пиратским сокровищам, к фарфоровым фигуркам Ленина, массивным вилкам под серебро, пыльным шторам, через которые пробивалось, разгоняя по комнате пыль и сквозняки, желтое, как сливочное масло, солнце. По вечерам, сидя на кухне, мы читали надписи, сделанные Федором Михайловичем на стенах, какие-то номера телефонов, адреса, схемы автобусных маршрутов, нарисованные химическим карандашом прямо на обоях, рассматривали вырезки из календарей и фотографии неизвестных родственников, приключенные им к стене. У родственников вид был строгий и торжественный, в отличие от самого Федора Михайловича, который время от времени тоже забредал в свое теплое гнездышко, в скрипучих сандалиях и пижонском кепаре, подбирал за нами пустые бутылки и, получив бабки за очередной месяц, исчезал во дворе между липами. Был май, погода стояла теплая, двор порос травой. Иногда, ночью, с улицы забредали настороженные парочки и занимались любовью на скамейке, застеленной старыми ковриками. Иногда, под утро, к скамейке выходили охранники из банка, сидели и забивали длинные, как майские рассветы, косяки. Днем забегали бродячие собаки, обнюхивали все эти следы любви и озабоченно выбегали назад – на центральные улицы города. Солнце всходило как раз над нашим домом.

* * *

Когда я вышел на кухню, Лелик уже терся возле холодильника в своем костюме – темном пиджаке, сером галстуке и безразмерных брюках, висевших на нем, как флаг в тихую погоду. Я открыл холодильник, старательно осмотрел пустые полки.

– Привет, – я завалился на стул, Лелик с недовольным видом сел напротив, не выпуская из рук пакет с молоком. – Тут такое дело, давай к брату моему съездим.

– Зачем? – не понял он.

– Просто так. Повидаться хочу.

– А что у тебя с братом, какие-то проблемы?

– Да нет. Все с ним нормально. Он в Амстердаме.

– Так ты в Амстердам хочешь к нему съездить?

– Не в Амстердам. Домой к нему. Давай на выходных?

– Не знаю, – засомневался Лелик, – я на выходных собирался машину на станцию отогнать.

– Так мой брат и работает на станции. Поехали.

– Ну, не знаю, – неуверенно ответил Лелик. – Лучше поговори с ним по телефону. – И допив все, что у него было, добавил: – Собирайся, мы уже опаздываем.

* * *

Днем я несколько раз звонил брату. Слушал длинные гудки. Никто не отвечал. После обеда позвонил Коче. Так же безрезультатно. Странно, подумал, брат может просто не брать трубку, у него роуминг. Но Коча должен быть на рабочем месте. Набрал еще раз, опять без результата. Вечером позвонил родителям. Трубку взяла мама. Привет, – сказал я, – брат не звонил? Нет, – ответила она, – а что? Да так, просто, – ответил я и заговорил о чем-то другом.

На следующее утро в офисе снова подошел к Лелику.

– Лелик, – сказал, – ну что, едем?

– Да ну, – заныл он, – ну ты что, машина старая, еще сломается по дороге.

– Лелик, – начал давить я, – брат сделает твоей машине капитальный ремонт. Давай, выручай. Не ехать же мне электричками.

– Ну, не знаю. А работа?

– Завтра выходной, не выебывайся.

– Не знаю, – снова сказал Лелик, – нужно поговорить с Борей. Если он ничем не подпряжет...

– Идем поговорим, – сказал я и потащил его в соседний кабинет.

Боря и Леша – Болик и Лелик – были двоюродными братьями. Я знал их с университета, мы вместе заканчивали историческое отделение. Они были не похожи друг на друга – Боря выглядел мажористо, худой и стриженный, носил контактные линзы и даже, кажется, делал маникюр. Леша же был крепко сбитый и слегка заторможенный. Носил недорогую офисную одежду, стригся редко, денег на контактные линзы он жалел, поэтому носил очки в металлической оправе. Боря имел более ухоженный вид, Леша – более надежный. Боря был старше на полгода и чувствовал себя в ответе за брата, своего рода братский комплекс. Был он из порядочной семьи, отец его работал в комсомоле, потом делал карьеру в какой-то партии, был главой районной администрации, уходил в оппозицию.

Последние годы занимал должность при губернаторе. Леша же был из простой семьи – его мама работала учительницей, а папа шабашил где-то в России, еще с 80-х. Жили они под Харьковом, в небольшом городке, так что Лелик был бедным родственником, и все его за это любили, как ему казалось. После университета Боря сразу же вписался в отцовский бизнес, а мы с Леликом пытались самостоятельно стать на ноги. Работали в рекламном агентстве, в газете бесплатных объявлений, в пресс-секретариате Конгресса националистов и даже в собственной букмекерской конторе, которая накрылась на второй месяц своего существования. Несколько лет тому назад Боря, переживая из-за нашего прозябания и помня о беззаботной студенческой юности, пригласил нас работать с ним, в администрации. Его отец зарегистрировал под него несколько молодежных организаций, через которые переводились разные гранты и отмывались небольшие, но регулярные суммы денег. Так что мы работали вместе. Работа у нас была странная и непредсказуемая. Мы редактировали чьи-то речи, проводили семинары для молодых лидеров и тренинги для наблюдателей на выборах, сочиняли политические программы для новых партий, кололи дрова на даче у отца Болика, ходили на телевизионные ток-шоу защищать демократический выбор и отмывали, отмывали, отмывали бабло, проходившее через наши счета. На моей визитке было написано «независимый эксперт». За год такой работы я купил себе навороченный компьютер, а Лелик – битый фольксваген. Квартиру мы снимали с Леликом вместе. Боря часто приходил к нам в гости, садился в моей комнате на пол, брал в руки телефон и звонил проституткам. Нормальный корпоративный дух, короче говоря. Лелик брата не любил. Да и меня, кажется, тоже. Но мы с ним уже несколько лет жили в соседних

комнатах, так что отношения наши были ровными и даже доверительными. Я постоянно брал у него займы одежду, он у меня – деньги. Разница была в том, что одежду я всегда возвращал. Последние месяцы они с братом что-то мутили, какой-то новый семейный бизнес, в который я не лез, поскольку деньги были партийные, и чем это могло закончиться – никто не знал. Я держал подальше от них свои сбережения, пачку баксов, храня их на книжной полке между страницами Гегеля. Вообще-то, я им доверял, хотя и понимал, что пора искать себе нормальную работу.

* * *

Боря сидел у себя и работал с документами. На столе перед ним лежали папки с результатами каких-то социологических опросов. Увидев нас, он открыл на мониторе сайт обладминистрации.

- Ага, вы, – сказал бодро, как и положено руководителю. – Ну что? – спросил. – Как дела?
- Боря, – начал я, – мы к брату моему хотим съездить. Ты его знаешь, да?
- Знаю, – ответил Болик и стал внимательно рассматривать свои ногти.
- У нас завтра ничего нет?

- Болик подумал, снова посмотрел на ногти, резко убрал руки за спину.
- Завтра выходной, – ответил.
 - Значит, поехали, – сказал я Леше и повернулся к двери.
 - Подождите, – вдруг остановил меня Болик. – Я тоже с вами поеду.
 - Думаешь? – недоверчиво переспросил я.

Тащить его с собой не хотелось. Лелик тоже, как можно было заметить, напрягся.

- Да, – подтвердил Болик, – поедем вместе. Вы же не против?

Лелик недовольно молчал.

- Боря, – спросил я его, – а тебе зачем ехать?
- Просто так, – ответил Болик. – Я не буду мешать.

Лелика, похоже, напрягала необходимость ехать куда-то с братом, который его постоянно контролировал и не хотел отпускать от себя ни на минуту.

- Но мы рано выезжаем, – попробовал отбиться я, – часов в пять.
- В пять? – переспросил Лелик.
- В пять! – воскликнул Болик.
- В пять, – повторил я и направился к двери.

В конце концов, подумал, пусть сами между собой разбираются.

Днем я снова позвонил Коче. Никто не отвечал. Может, он умер, – подумал я. Причем подумал с надеждой.

* * *

Вечером мы с Леликом сидели у себя дома, на кухне. Слушай, – начал он вдруг, – может, не поедем? Может, позвонишь им еще раз? Леша, – твердо сказал я, – мы едем всего на один день. В воскресенье будем дома. Не парься. Ты сам не парься, – ответил на это Лелик. Хорошо, – сказал я.

Хотя что хорошего? Мне 33 года. Я давно и счастливо жил один, с родителями виделся редко, с братом поддерживал нормальные отношения. Имел никому не нужное образование. Работал непонятно кем. Денег мне хватало как раз на то, к чему я привык. Новым привычкам появляться было поздно. Меня все устраивало. Тем, что меня не устраивало, я не пользовался. Неделю назад исчез мой брат. Исчез и даже не предупредил. По-моему, жизнь удалась.

* * *

Парковка была пустая, и выглядели мы на ней подозрительно. Боря опаздывал. Я предлагал ехать, но Лелик упирался, ходил в супермаркет за кофе из автомата, успел познакомиться с охранниками, которые тут же и жили – под большим освещенным супермаркетом. В утреннем воздухе желто подсвечивались витрины. Супермаркет напоминал лайнер, севший на мель. Время от времени через парковку пробегали собачьи стаи, недоверчиво пригнувшись к мокрому асфальту и задирая головы к утреннему солнцу. Лелик развалился в водительском кресле, курил одну за другой и нервно хватался за мобилу, вызванивая брата. Они последнее время вообще часто созванивались, упрекая друг друга и постоянно ссорясь. Вроде не доверяли друг другу. Лелик еще раз сбежал к автомату с кофе, вернулся, разлил его себе на костюм, старательно вытирал пятна влажными салфетками и проклинал брата за непунктуальность. С Леликом всегда так – летом он потел, зимой мерз, за рулем ему было неудобно, и в костюме он себя чувствовал неуверенно. Брат его напрягал и втягивал в сомнительное дело. Я советовал ему не вкладываться, но Лелик не слушался, возможность легкого заработка вгоняла его в какой-то ступор. Мне оставалось снисходительно наблюдать за этими его попытками финансовых махинаций, тешась тем, что не позволил и себя втянуть в сомнительную затею. Я тоже сходил за кофе, поговорил с охранниками, угостил собак чипсами. Нужно было ехать. Но без брата Лелик ехать не мог.

* * *

Он выскочил из-за угла, беспомощно озираясь и отгоняя от себя собак. Лелик просигналил, Боря заметил нас и побежал к машине. Собаки семенили следом, поджав драные хвосты. Открыв заднюю дверцу, запрыгнул внутрь. Был в своем костюме и зеленой, заметно помятой сорочке.

– Боря, – сказал Лелик, – какого хуя?

– Блядь, Леша, – ответил на это Болик, – не надо мне ничего говорить.

Поздоровавшись и со мной тоже, Болик достал из кармана пиджака несколько дисков.

– Что это? – спросил я.

– Я музыку нам записал, – объяснил Болик. – Чтоб по дороге слушать.

– Да у меня свой плеер есть, – ответил я.

– Ничего, мы с Лешей слушаем.

Леша скривился в ответ.

– Лелик, – засмеялся я. – За тебя что, брат решает, какую музыку слушать?

– Ничего он не решает, – обиженно ответил Лелик.

– Что хоть за музыка? – поинтересовался я.

– Паркер.

– И все?

– Да. Десять дисков Паркера. Больше ничего интересного я не нашел, – объяснил Болик.

– Мудак, – сказал на это Лелик, и мы поехали.

* * *

От музыки фольксваген содрогался, как консервная банка, по которой били деревянной палкой. Боря, сидя сзади, ослабил узел галстука и напряженно разглядывал спальные районы. Миновав тракторный и проехав базарчик, мы наконец вырвались на окружную. Выехав за город, двинулись в юго-восточном направлении. На КПП стояли гаишники. Один из них лениво посмотрел в нашу сторону и, не заметив ничего интересного, отвернулся к своим. Я попробовал посмотреть на нас его глазами. Черный фольксваген, перекупленный у партнеров, костюмы из стока, туфли из прошлогодней коллекции, часы с распродажи, зажигалки, подаренные коллегами на праздники, солнцезащитные очки из супермаркетов: надежные, недорогие вещи, не слишком подержанные, не слишком яркие, ничего лишнего, ничего особенного. Даже штрафовать не хочется.

* * *

Зеленые холмы тянулись по обе стороны трассы, май был теплым и ветреным, птицы перелетали с поля на поле, ныряя шумными стаями в воздушные потоки. Впереди, на горизонте, сияли белые многоэтажки, над которыми пылало красное солнце, похожее на раскаленный баскетбольный мяч.

– Заправиться нужно, – сказал Лелик.

– Скоро будет заправка, – ответил я.

– И выпить чего-нибудь, – подал голос Болик.

– Антифриза, – предложил ему брат.

На заправке мы с Борей пошли в магазин за кофе. Пока Лелик заправлялся, вышли на улицу, где стояли несколько пластиковых столиков. За металлической сеткой начиналось кукурузное поле. Майская зелень, липкая и цветистая, бросалась в глаза, разъедая сетчатку. На стоянке теснилось несколько фур, водители, наверное, отсыпались. Боря подошел к крайнему столику, взял пластиковый стул, протер его салфеткой, осторожно сел. Я тоже сел. Вскоре подошел Лелик.

– Нормально, – сказал он, – можем ехать. Сколько нам еще?

– Километров двести, – ответил я. – За пару часов доедем.

– Что слушаешь? – спросил Лелик, показывая на плеер, который я положил на стол.

– Все подряд, – ответил я ему. – Чего себе такой не купишь?

– У меня в машине проигрыватель.

- Вот и слушаешь, что тебе брат запишет.
- Я ему нормальную музыку пишу, – обиделся Болик.
- Я радио слушаю, – добавил от себя Лелик.
- Я бы на твоём месте не доверял его музыкальным вкусам, – сказал я Лелику. – Нужно слушать музыку, которую любишь.
- Да ладно, Герман, – не согласился Болик. – Нужно доверять друг другу. Правда, Леша?
- Угу, – неуверенно ответил Лелик.
- Хорошо, – сказал я, – мне все равно. Слушайте что хотите.
- Ты, Герман, слишком недоверчивый, – добавил Болик. – Не доверяешь партнерам. Так нельзя. Но все равно – на нас ты можешь всегда положиться. Куда мы хоть едем?
- Домой, – ответил я. – Доверься мне.

Лучше добраться туда пораньше, подумал я. Тем более, что никто не знает, насколько мы там застрянем.

* * *

Боря подсовывал мне диски Паркера. Я послушно ставил их один за другим. Паркер рвал воздух своим альтом. Его саксофон взрывался, как химическое оружие, уничтожая вражеские войска. Паркер дышал через мундштук, выдувал золотое пламя праведного гнева, его черные пальцы влезали в растравленные раны воздуха, вытягивая оттуда медные монеты и сушеные плоды. Прослушанные диски я бросал в свой потертый кожаный рюкзак. Через час мы въехали в ближайший городок. Проехали центр, выскочили на мост и попали в автотранспортное происшествие.

Посреди моста стоял грузовик, намертво перекрывая движение в обоих направлениях. Машины въезжали на мост и попадали в ловко подстроенную западню – вперед проехать было невозможно, назад тоже, водители сигналили, те, кто поближе, выходили из машин и шли посмотреть, что там случилось. Был это старый птицевоз, облепленный перьями и листьями и доверху загруженный клетками с курами. Их было сотни – этих клеток, в которых толклись бьющие крыльями и клювами крупные неуклюжие птицы. Похоже, водитель въехал в железное ограждение, которое отделяло тротуар, птицевоз развернуло и забаррикадировало им проезд. Верхние клетки рассыпались по асфальту, и теперь изумленные куры сновали вокруг птицевоза, запрыгивали на капоты машин, стояли на перилах моста и высиживали яйца под колесами фур. Водитель птицевоза с места происшествия сразу же сбежал. К тому же с ключами. Рядом с грузовиком крутились два сержанта, не зная, что им предпринять. Они с ненавистью разгоняли кур, пытаясь выпытать у свидетелей хотя бы что-нибудь о водителе. Сведения были противоречивые. Кто-то утверждал, что тот соскочил с моста в воду, кто-то якобы видел, будто он подсел к кому-то в фуру, а кто-то шепотом убеждал, что грузовик ехал вообще без водителя. Сержанты в отчаянии разводили руками и пытались связаться по рации со штабом.

– Ну, это надолго, – сказал Леша, переговорив с сержантами и вернувшись к машине. – Они хотят где-то тягач найти. Только сегодня выходной, хуй они найдут.

За нами уже образовалась очередь, машин становилось все больше.

- Может, объедем? – предложил я.
- Как? – недовольно ответил Леша. – Теперь не выедешь. Надо было дома сидеть.

Вдруг к нам на капот вскочила откормленная курица. Настороженно сделала несколько шагов, замерла.

– Вестник смерти, – сказал о птице Болик. – Интересно, тут есть магазины с холодильниками?

– Хочешь купить холодильник? – спросил его брат.

– Хочу холодной воды, – объяснил Болик.

Леша посигналил. Птица испуганно захлопала крыльями и, перелетев перила, канула в неизвестность. Может, так и нужно учить их летать.

– Ладно, – не выдержал я, – вы возвращайтесь, а я пойду.

– Куда ты пойдешь? – не понял Лелик. – Сиди. Сейчас тягач оттянет эту штуку, развернемся и поедем домой.

– Поезжайте сами. Я пройду пешком, а там чем-нибудь доеду.

– погоди, – заволновался Лелик, – ничем ты не доедешь.

– Доеду, – сказал я. – Завтра вернусь. Осторожно на трассе.

Сержанты нервничали. Один из них подхватил курицу и, держа ее за лапу, поддал правой с носка. Курица взлетела в воздух, как футбольный мяч, перелетела через несколько автомобилей и исчезла под колесами. Его напарник тоже злобно схватил домашнюю птицу, подбросил вверх и, приняв на правую рабочую, засадил ею в майское небо. Я перепрыгнул через ограду, обогнул птицевоз, проскользнул между водителями, перешел через мост и зашагал по утренней трассе.

* * *

Потом долго стоял под теплым небом, у пустой трассы, похожей на ночное метро – так же безнадежно было вокруг, такими же долгими казались минуты, проведенные тут. За перекрестком, на выезде из города, была автобусная остановка, старательно изувеченная безымянными путниками. Стены ее были разрисованы черными и красными узорами, земляной пол тщательно усеян битым стеклом, а из-под кирпичной кладки проросла темная трава, в которой прятались ящерицы и пауки. Я не решился войти внутрь, стал в тень, падающую от стены, и ждал. Ждать пришлось долго. Редкие фуры двигались на север, оставляя после себя пыль и безнадёгу, а в обратном направлении вообще никто не ехал. Тень постепенно убегала у меня из-под ног. Я уже подумывал о том, чтобы вернуться, прикидывал, сколько это займет времени и где теперь могут быть мои друзья, как вдруг, откуда-то сбоку, из прибрежных камышей и пойменных лугов, отчаянно стреляя выхлопной трубой, на трассу вывалился кровавого цвета икарус. Покачавшись, стал на все колеса, как пес, отряхивающийся после купания, тяжело перевел дух, переключил скорость и ползком двинулся на меня. Я замер, настолько это было неожиданно, стоял и смотрел на это громоздкое транспортное средство, окутанное пылью, измазанное кровью и мазутом. Автобус медленно подкатился к остановке. Дверь открылась. Из автобусного нутра повеяло смертью и никотином. Водитель, голый по пояс и мокрый от духоты, вытер пот со лба и крикнул:

– Ну шо, сынок, едешь?

– Еду, – ответил я и вошел в салон.

Свободных мест не было. Автобус был заселен сонной малоподвижной публикой. Тут были женщины в бюстгальтерах и спортивных штанах, с ярким макияжем и длинными наклад-

ными ногтями, были мужчины с барсетками и в наколках, тоже в спортивных штанах и китайских кроссовках, были дети в бейсболках и спортивных костюмах, с битами и кастетами в руках. И все они спали или пытались заснуть, поэтому внимания на меня никто не обратил. Поверх всего этого разрывалась индийская музыка, трескучая, как стая колибри, порхающая по салону, пытаясь вырваться из сладкой душегубки. Но музыка никому не мешала. Я прошелся по салону, выискивая свободное место, не нашел, вернулся к водителю. Лобовое стекло перед ним было густо обклеено православными иконками и завешено яркими сакральными штуками, которые, очевидно, не давали этой машине окончательно рассыпаться. Висели тут плюшевые медведи и глиняные скелеты со сломанными ребрами, ожерелья из петушиных голов и вымпелы «Манчестер Юнайтед», скотчем к стеклу были прилеплены порнокартинки, портреты Сталина и отксеренные изображения святого Франциска. А на панели перед водителем пылились путевые карты, несколько хастлеров, которыми он бил в салоне мух, фонарики, ножи со следами крови, яблоки, из которых выползали червяки, и маленькие деревянные иконки с ликами великомучеников. Сам водитель отдувался, вцепившись одной рукой в руль и держа в другой большую бутылку с водой.

– Шо, сынок, – спросил, – все занято?

– Ага.

– Постой со мной, а то я тоже усну. Им хорошо – завалились и спят. А мне отвечать.

– За что отвечать?

– За товар, сынок, за товар, – объяснил он мне как родному.

И поведал о печальных событиях. Были это коммерсанты из Донбасса, семьи мелких коммерсантов в полном составе. Два дня тому назад они загрузились в Харькове товаром – спортивными костюмами, китайскими кроссовками и другим говном. И отправились домой. Но не успели отъехать от города, как автобус безнадежно сломался, с ходовой, сынок, с ходовой беда, ее ж последний раз отремонтировали перед московской олимпиадой! Переночевали на трассе. Водитель ползал ужом между колесами, а мелкие коммерсанты выставили посты, жгли до утра костры и пели под гитару. Им это даже нравилось. Утром водитель пошел в ближайшее село и доставил оттуда фермеров на тракторе. Фермеры оттащили их на железнодорожную станцию в депо. Там они провели следующий день и еще ночь. Коммерсанты упрямо не спали, охраняя товар и напевая под гитару, только разок сбегали на вокзал купить бухла и новые струны. Водитель таки привел в порядок ходовую, загрузил, как смог, коммерсантов и продолжил скорбный путь к родным терриконам. Наткнувшись на скопление возле моста, не растерялся и, сделав немалый крюк, какими-то обходными тропами, через старые кладки, перебрался на левый берег. И теперь остановить его не могло уже ничто. Он так и сказал.

Автобус выехал на пригорок и тяжело закашлялся. Впереди лежала широкая солнечная долина с салатными кукурузными полями и золотыми ложбинами. Водитель решительно двинулся вперед. Выключил двигатель и расслабился. Автобус сползал вниз, словно снежная лавина от неосторожных криков японских туристов. Ветер свистел, чиркаясь о теплые бока, жуки бились о лобовое стекло, будто капли майского дождя, мы летели вниз, набирая скорость, а вокруг, над нами, витали голоса индийских певцов, предвещая долгую радость и легкую смерть. Скатившись на дно долины, автобус по инерции выскочил на первый бугорок, и тут водитель попытался включить двигатель. Икарус тряхнуло, послышался резкий скрежет железа о железо, и машина остановилась. Водитель в отчаянии молчал. О чем-то спрашивать его мне было неловко. В конце концов он опустил голову на руль и как-то затих. Время от времени плечи его вздрагивали. Сначала я подумал, что он плачет, это было по-своему трогательно. Но, прислушавшись, понял, что вздрагивает он уже во сне. Все остальные пассажиры икаруса-призрака тоже спали. И никто даже не думал охранять товар. Я снова прошелся по

салону и выглянул в окно. Ветер легонько касался молодой кукурузы, тишина повисла вокруг, и солнце въедалось в долину, как пятно жира в ткань. Неожиданно кто-то коснулся моей руки. Я оглянулся. В конце салона были какие-то занавески, темно-коричневые и давно не стиранные. Мне казалось, что там, за занавесками, ничего нет, что там стена, ну или окно, или еще что-то такое. Но оттуда высунулась рука и, легко ухватив, потащила меня внутрь. Я шагнул вперед и, проскользнув сквозь невидимый вход, оказался в маленькой комнатухе. Это был такой себе чилаут, место для медитаций и любви, келья, населенная духами и тенями. Стены комнатухи были завешаны китайскими синтетическими коврами со странными орнаментами и рисунками, на которых изображены были сцены охоты на оленей, чаепитие и приветствие пионерами Пекина товарища Мао. Вдоль стен стояли два небольших диванчика. И на этих диванчиках сидели три мавра и одна мавританка. И на маврах было какое-то белое исподнее, а на мавританке серое спортивное белье. Тяжелые ожерелья с черепами болтались вокруг ее шеи, а в волосах вместо гребня торчал нож для разрезания бумаги. На коленях у нее лежал термос. Глаза мавров хищно вспыхивали в полумраке, и желтоватые белки светились в темноте, как янтарь. А мавританка, глядя мне прямо в глаза и не отпуская руки, спросила:

– Ты кто?

– А ты? – спросил я, чувствуя тепло ее ладони и тяжесть серебряных колец на пальцах.

– Я Каролина, – сказала она и неожиданно убрала руку. Один из мавров, оглядываясь на меня, прошептал что-то на ухо своему соседу, и тот коротко засмеялся.

– Куда ты едешь? – снова спросила Каролина, рассматривая меня в полутьме.

– Домой, – ответил я.

– А кто тебя там ждет? – Она вытащила нож из своей прически, и густые волосы рассыпались, скрывая ее глаза.

– Никто не ждет.

Каролина тоже засмеялась.

– Зачем ехать туда, где тебя никто не ждет? – спросила она, доставая откуда-то гранат и разрезая его пополам.

– Какая разница? – не понял я. – Просто давно там не был.

– Держи, – она протянула мне половину граната. – Что ты будешь делать там, где тебя никто не ждет?

– Я ненадолго. Завтра поеду обратно.

– Ты так боишься туда возвращаться? – Каролина снова засмеялась, впиваясь в свою половину граната.

– С чего ты взяла?

– Ты еще не успел приехать, а уже собираешься обратно. Ты боишься.

– У меня дела, – объяснил я ей. – Не могу остаться там надолго.

– Можешь, – сказала она. – Если захочешь.

– Нет, – недовольно повторил я, – не могу.

– Думаю, что ты так скоро сбегашь, потому что забыл все, что с тобой было. Когда вспомнишь, тебе будет не так просто оттуда уехать. Держи.

И протянула мне кружку, налив туда что-то из термоса. От напитка пахло корицей и валерьянкой. Я попробовал. Вкус был терпкий и острый. Я выпил все. Меня сразу вырубил.

* * *

Вокруг аэродрома лежали пшеничные поля. Ближе к взлетной полосе росли ядовито-яркие цветы, над которыми, как над трупами, тягуче зависали осы. Поутру солнце прогревало асфальт и сушило траву, пробивавшуюся сквозь бетонные плиты. Сбоку, над будкой диспетчера, бились на ветру полотнища флагов, дальше, за зданием администрации, тянулись деревья, увитые паутиной и зажженные острым утренним светом. В пшеничных полях таились странные сквозняки, будто животные, каждую ночь выходившие из мрака на зеленые огни диспетчерской, а утром снова забредавшие в стебли и скрывающиеся от жгучего июньского солнца. Прогреваясь, асфальт отражал солнечный свет, ослепляя птиц, пролетающих над взлетной полосой. У ограды стояли бензовозы, пара тягачей и темнели пустые гаражи, из которых сладко тянуло застоявшейся водой и маслом. Спустя какое-то время появлялись механики, переодевались в черные дырявые комбинезоны и начинали копаться в своих машинах. Над аэродромом нависало небо раннего июня, разворачивалось на ветру, как свежестиранные простыни, гулко поднималось и опадало вниз, касаясь асфальта. В одно и то же время, около восьми, в воздухе появлялся, постепенно накатываясь и вываливаясь из атмосферных глубин, натруженный грохот двигателя. Сам самолет из-за солнца еще не был виден, но тень его уже мчалась по пшеничным полям, распугивая птиц и лис. Небесная твердь раскалывалась, как фарфор, и, уверенно идя на посадку над стриженными головами механиков, гордо пролетал старый добрый АН-2, кукурузник-убийца, гордость советской авиации. Оглушая утро своим допотопным двигателем, он разворачивался над сонным городком, пробуждая его от легкого и зыбкого летнего сна. Пилоты рассматривали сельскохозяйственные угодья, поля, густо политые солнечным медом, свежую зелень балок и железнодорожных насыпей, золото речного песка и столовое серебро меловых побережий. Город оставался позади, с заводскими трубами и железной дорогой; самолет шел на посадку, свет заливал кабину и холодно сиял на металле. Машина прокатывалась по взлетной полосе, подпрыгивая тугими колесами на потрескавшемся асфальте. Пилоты соскакивали на землю и помогали грузчикам вытаскивать большие брезентовые мешки с областной и республиканской прессой, письмами и бандеролями, а выгрузив, шли к строениям, оставив самолет нагреваться на солнце.

Мы с друзьями жили по ту сторону пшеничных полей, на окраине, в белых панельных домах, вокруг которых росли высокие сосны. Под вечер мы выбирались из своего района, брели по пшенице, прячась от случайных машин, перебежками двигались вдоль забора, залегали в пыльной траве и рассматривали летательные аппараты. АН-2, с его цельнометаллическим фюзеляжем и холщовой обшивкой крыльев казался нам неземной машиной, на которой прилетели демоны, чтобы прожечь небо над нами бензином и свинцом. Вестники богов сидели в его нутре, а мощный винт разбивал небесный лед и гнал в потусторонний мир тополиный пух. Мы возвращались домой уже затемно, пробирались через густую горячую пшеницу, думая об авиации. Все мы хотели стать пилотами. Большинство из нас стали лузерами.

Время от времени мне снятся авиаторы. Каждый раз они совершают вынужденную посадку где-то посреди пшеничных полей, их самолеты тяжело врезаются в густую пшеницу, холщовая обшивка гулко лопается в красном предвечерье, стебли пшеницы наматываются на шасси, и летательные аппараты намертво загружают в черной пересохшей земле. Пилоты вываливаются из раскаленных салонов, падают в пшеницу, которая сразу же оплетает им ноги, встают и пытаются что-то разглядеть на горизонте.

Но на горизонте нет ничего, кроме пшеничных полей, они тянутся бесконечно, и вырваться из них – дело безнадежное. Авиаторы бросают свои аппараты, постепенно охлажда-

ющиеся в вечерних сумерках, и движутся на запад, за быстро угасающим солнцем. Стебли высокие и непролазные, пилоты с трудом прокладывают себе путь, продавливают невидимую стену перед собой, не имея никакого шанса куда-нибудь выйти. На них кожаные шлемы с очками, на руках тяжелые перчатки, а позади них тянутся раскрытые парашюты, которые они почему-то не хотят отцепить, таща за собой, будто длинные и тяжелые крокодилы хвосты.

* * *

Проснулся я от мерной работы двигателя. На диванчиках рядом со мной спали трое мавров, Каролины не было. Я выглянул в салон. Было уже довольно поздно, справа за окном красными вспышками разливалось вечернее солнце. Который час, интересно? Я подошел к одному из коммерсантов, мирно спавшему, взял его руку, посмотрел на часы. Половина десятого. Черт, подумал я, неужели проспал? И пошел к водителю. Тот поприветствовал меня, как старого друга, не отрывая глаз от трассы. Я посмотрел в окно. Где-то сейчас должен быть поворот, но если не сворачивать, а двигаться прямо, то через пару километров будет именно то место, куда мне нужно. Но на повороте водитель притормозил.

– Батя, ну что, – сказал я ему, – давай, подбрось меня до заправки. Тут пару километров.

– Это на горе? – переспросил водитель.

– Ага.

– Возле вышки?

– Ну.

– Нет, – сказал он. – Мы сворачиваем.

– Погоди, – начал я торговаться. – У тебя там с ходовой что-то. А у моего брата мастерская. Он тебе капитальный ремонт сделает.

– Сынок, – сказал на это водитель твердо и убедительно. – Там город. А нам в город нельзя. У нас товар.

* * *

Я вышел из автобуса. Солнце село, сразу стало прохладно. Натянул куртку и зашагал по трассе. Минут через двадцать дошел до заправки. Рядом темнели окна станции техобслуживания. Свет нигде не горел. «Интересно, где Коча?» – подумал я. Подошел к заправке. Везде было темно и пусто. На дверях станции висел замок. Решил подождать. Зашел за здание, там посреди травы и кустов малины стоял вагончик, в котором жил Коча, за ним виднелись несколько старых разбитых автомобилей. Вагончик тоже был закрыт. Впотымах я подошел к оторванной кабине камаза. Влез внутрь, снял кроссовки. Вверху висел месяц. Рядом охладилась трасса. Прямо передо мной, в долине лежал город, в котором я родился и вырос. Я взял рюкзак, положил под голову и заснул.

2

Опасливый и настороженный, болотно-черного цвета пес крался в высокой траве. Пригибал хребет, старался быть незамеченным. Тихо приближался, раздвигая стебли боевыми лапами и заслоняя собой солнце. Утренние лучи золотили ему череп со стеклянными глазами, в которых уже поблескивало мое отражение. Сделал пружинистый шаг, потом еще один, замер на мгновение и медленно потянулся ко мне своей мордой. Глаза его вспыхнули голодным блеском, и трава за спиной сомкнулась изумрудной волной, пряча в себе кровавый солнечный ступок. Я инстинктивно выбросил руку вперед, сквозь сон реагируя на это его движение.

– Гера, дружище!

Ударяя ногами по мятому железу, я подорвался.

– Гера! Друг! Приехал! – Коча надвигался, пытаюсь достать меня, размахивая худыми длинными руками, вертел лысым черепом. Но не мог протиснуться сквозь выбитое бортовое стекло кабины, поэтому лишь поблескивал на расстоянии большими очками, стоя против солнца, уже успевшего взойти и теперь легко поднимавшегося на необходимую ему высоту. – Ну что ты тут лежишь! – похрипывал он, устремляясь ко мне своими лапами. – Дружище!

Я попытался подняться. Тело после сна на жестком сиденье слушалось плохо. Я подтянул ноги, перегнулся и выпал прямо в Кочины объятия.

– Друг! – похоже, он был мне рад.

– Привет, Коча, – ответил я, и мы долго жали друг другу руки, ударяли по плечам и спинам кулаками, всячески показывая, как все-таки здорово, что я провел эту ночь в пустой кабине, а он меня после этого разбудил в шесть утра.

– Давно приехал? – спросил Коча, когда первая волна радости схлынула. Спросил, впрочем, не выпуская моей руки.

– Вчера ночью, – ответил я, пытаюсь вырваться и наконец обуться.

– Что же ты не позвонил? – Коча отпустить руку не собирался.

– Коча, сука ты, – я наконец освободился и не знал теперь, куда девать свою руку. – Я тебе два дня звонил. Ты чего трубку не берешь?

– Ты когда звонил? – переспросил Коча.

– Днем, – я все же достал кроссовки из кабины.

– Так я спал, – сказал он на это. – У меня со сном последние дни проблемы. Я днем сплю, а ночью прихожу на работу. Но ночью клиентов нет. – Он затоптался на месте и потянул меня за собой. – А главное – у нас и телефон не работает, отключили за неуплату. Я вчера в город ездил, вот вернулся. Идем, я тебе все расскажу.

* * *

И пошел вперед. Я двинулся следом. Обогнул разбитый москвич с сожженными колесами, какую-то гору железа, части самолетов, холодильных камер и газовых плит и вышел вслед за Кочей к бензоколонкам. Заправка находилась метрах в ста от трассы, тянувшейся в северном направлении. Внизу, километрах в двух отсюда, в теплой долине лежал городок, через который, собственно, трасса и проходила. Южнее последних городских кварталов, за территорией заводов, начинались поля, обрываясь по ту сторону долины, а с севера город огибала

река, протекая с российской территории в сторону Донбасса. Левый берег ее был пологий, вдоль правого же тянулись высокие меловые горы, вершины которых покрыты были полыньей и терном. На самой высокой горе, нависавшей над городом, торчала телевизионная вышка, заметная из любого места в долине. А уже рядом с вышкой, на соседнем холме стояла автозаправка. Построили ее где-то в семидесятых. Тогда в городе появилась нефтебаза и при ней две заправки – одна на южном выезде из города, другая – на северном. В девяностых нефтебаза прогорела, одна из заправок тоже, а вот эта, на харьковской трассе, осталась. Мой брат успел вписаться сюда еще в начале девяностых, когда нефтебаза доживала свой век, и перебрал этот бизнес на себя. Сама заправка выглядела не лучшим образом – четыре старые бензоколонки, будка с кассовым аппаратом, пустой шест, на котором при желании можно было кого-нибудь повесить. Еще дальше находилось холодное складское помещение, нафаршированное железом, – брат вкладывал деньги не в развитие инфраструктуры, а в улучшение сервиса, стягивая отовсюду различные устройства и механизмы, с помощью которых мог отремонтировать что угодно. Сам он жил в городе, приезжал сюда каждое утро и спускался в долину уже в потемках. Вместе с ним работала зверская команда – Коча и Шура Травмированный: инженеры-самородки, спасшие на своем веку жизнь не одной фуры, чем и гордились. Шура Травмированный жил тоже где-то в городе, а вот Коча собственной квартиры лишился, поэтому постоянно тусовался на заправке, ночуя в строительном вагончике, оборудованном по всем требованиям фэн-шуй. Возле заправки находилась асфальтированная площадка с ремонтной ямой, поодаль, под липами, стояло несколько вкопанных в землю железных столов. За станцией начинались балки и яблоневые сады, тянувшиеся вдоль меловых гор, а на севере открывалась степь, из которой время от времени выезжала шумная сельскохозяйственная техника. За вагончиком образовалась свалка изувеченной техники, стояли остатки разобранных на части машин, громоздились колеса. Сбоку, в малиновых кустах, укрылась кабина от камаза, из которой открывалась панорама на залитую солнцем долину и беззащитный город. Но речь шла не об инфраструктуре и не о старых бензоколонках. Речь шла о расположении. В свое время брат это хорошо понял, выбрав именно эту заправку. Дело в том, что следующая точка, где был бензин, находилась километрах в семидесяти к северу отсюда, а сама трасса пролегла через сомнительные места с отсутствующими органами власти и населением как таковым. Даже зоны покрытия на север отсюда, кажется, не было. Водители это знали, поэтому старались заправиться бензином у моего брата. Кроме того, тут работал Шура Травмированный – лучший механик в этих краях, бог карданных валов и ручных приводов. Одним словом, жила была золотая.

* * *

Возле кирпичной будки, рядом с бензоколонками, стояли два автомобильных кресла, принесенные сюда для отдыха. Кресла были застелены черными шкурами неизвестных мне животных, из них в разные стороны выпирали пружины, а к одному креслу был пристроен странный рычаг, вполне возможно, что это была катапульта. Коча устало упал на кресло с катапульти, достал свои папиросы и, закурив, показал мне рукой – садись рядом, дружище. Я так и сделал. Солнце нагревалось, как камни на берегу, и небо парусиной поднималось на ветру. Воскресенье, конец мая, самое подходящее время, чтобы отсюда уехать.

- Надолго? – с присвистом спросил Коча.
- Вечером назад, – ответил я.
- Что так быстро? Оставайся на пару дней. Рыбу поделим.
- Коча, где брат?
- Я же тебе говорил. В Амстердаме.
- Почему он не сказал, что уезжает?

- Гер, я не знаю. Он и не собирался уезжать. А вот взял, все бросил. Сказал, не вернется.
- У него что – какие-то проблемы с бизнесом были?
- Да какие проблемы, Герман? – загорячился Коча. – Здесь ни проблем, ни бизнеса, так
- слезы. Ты ж видишь.
- Ну и что теперь делать?
- Не знаю. Делай что хочешь.

Коча потушил окурок и бросил в ведро с надписью «Курить запрещено». Подставил лицо солнцу и затих. Черт, подумал я, интересно, что у него сейчас в голове творится, что там у него за мутки? Он наверняка что-то скрывает, сидит здесь и что-то мутит.

* * *

Коче было под пятьдесят. Он был резвый для своих лет, лысый и социально неустроенный. На голове его вокруг лысины во все стороны торчали остатки некогда роскошной шевелюры, я ее хорошо помнил с детства. Кочу я вообще помнил с детства, после родителей, соседей и родственников это было первое живое существо, которое я зафиксировал в своем сознании. Потом я подрастал, а Коча старел. Жили мы в соседних домах, в новом районе, который все время достраивался, так что вырастал я как бы на стройплощадке. В домах жили преимущественно рабочие с небольших окрестных заводов – крупных предприятий в городе не было, железнодорожники, разная интеллигентская шлоебень – учителя, конторщики, а еще военнослужащие (мой папа, например), ну и комсомольские кадры, перспективная молодежь, так сказать. Коча, насколько я помню, подселился к нам позже, но в районе жил, кажется, всегда. Он принадлежал именно к перспективной молодежи, рос без родителей, уже в школе имел проблемы с правоохранительными органами, постепенно становясь грозой микрорайона. Микрорайон в семидесятые только строился, поэтому бурная юность Кочи пришлась на интенсивное развитие всей этой коммунальной инфраструктуры – Коча грабил новые гастрономы, обновил только что открытые киоски с прессой, залезал ночью в недостроенный загс, в общем, шел в ногу со временем. Правоохранительные органы, обнаружив полное бессилие, сдали Кочу комсомолу на поруки. Комсомол почему-то решил, что Коча не вполне потерянный для коммунистической молодежи кадр, и взялся его перековывать. Для начала устроили его в пэтэу. Оттуда Коча на вторую неделю обучения вынес токарный станок, и его вынуждены были отчислить. Потусовавшись на районе год или полтора, загремел в вооруженные силы. Служил в стройбате под Житомиром, при этом домой вернулся с наколками ВДВ. Это был его звездный час. По району Коча ходил в погонах и бил всех, кого не узнавал. Мы, пацаны, Кочей восхищались, он был для нас плохим примером. Комсомол сделал последнюю жалкую попытку побороться за Кочину душу и подарил ему двухкомнатную квартиру в соседнем с нами доме. Коча въехал и сразу же устроил у себя дома гнездо разврата. Через его квартиру в начале восьмидесятых прошла вся прогрессивная молодежь района – мальчики здесь набирались мужества, девочки – опыта. Сам Коча все больше пил, и распад страны остался без его внимания. В конце восьмидесятых, когда в городе появился серийный убийца, власть и правоохранительные органы подозревали в этом Кочу. Однако арестовать его не решались, поскольку просто боялись. Соседи тоже были убеждены, что это Коча насилует звездными душистыми ночами работниц молокозавода, протыкая их потом острым металлическим предметом. Мужчины его за это уважали, женщинам он нравился. В начале девяностых, поскольку комсомола уже не было, дело в свои руки снова пришлось взять правоохранительным органам. Однажды, пребывая в длительном веселом загуле, Коча поджег рекламный щит только что созданного акционерного общества, и это стало последней каплей народного терпения. Взяли его в собственной квартире. Когда выводили во двор, собралась небольшая демонстрация. Мы, уже взрослые чуваки, были за

Кочу. Но нас никто не слушал. Дали ему год. Отсидел он где-то в Донбассе и сошелся на зоне с какими-то мормонами. Те передавали Коче свою литературу, а также – по его просьбе – одеколон и папиросы. Через год он откинулся и вернулся домой героем. Спустя какое-то время мормоны приехали по его душу. Были это трое молодых активистов, в дешевых, но аккуратных костюмах. Коча впустил их к себе, выслушал, достал из дивана дробовик и загнал мормонов в ванную. Держал их там два дня. На третий день опрометчиво решил помыться, открыл дверь ванной, и мормоны вырвались на волю. Прибежав в милицию, попытались подать заявление, но милиционеры резонно решили, что проще будет изолировать именно мормонов, и закрыли их в камере для выяснения личности. Следующие два года Коча тщетно пытался взяться за ум, трижды разводился, причем с одной и той же женщиной. Но личная жизнь у него явно не складывалась, и Коча продолжал прощаться с молодостью. Простился где-то в конце девяностых, попав в больницу с откушенным пальцем и проткнутым животом. Палец ему во время ссоры откусила жена, а вот кто при этом проткнул живот, Коча не признавался. Похоже, тогда ему стал помогать мой брат, он время от времени подбрасывал Коче работу, давал деньги, вообще поддерживал. Что-то там у них с Кочей было, еще в прошлой жизни, какая-то история, брат пару раз о ней намеками упоминал, но рассказывать не хотел, просто говорил, что Коче можно доверять, он не подведет в случае чего. Несколько лет тому назад Кочу из его квартиры выгнали цыгане, и он переехал сюда, на заправку. Жил в вагончике, вел спокойную размеренную жизнь, прошлое вспоминал с ностальгией, однако возвращаться в свою квартиру не хотел. Выглядел пестро, лысина его имела нежно-розовый оттенок, а очки делали похожим на умалишенного химика, который только что изобрел альтернативный, экологически чистый кокаин и тут же поставил на себе опыты. И опыты эти дали положительный результат. Ходил в оранжевом комбинезоне и разбитых военных ботинках, у него вообще было много шмоток из армейских сэконд-хэндов, даже армейские импортные носки – на правом было написано «R», на левом – «L», чтобы не путаться. Запястья у него были обмотаны платками и кровавыми бинтами, лицо и руки все время были то ли поцарапаны, то ли порезаны, и вообще внешний вид у него был такой, будто он ел пиццу руками.

* * *

И вот теперь он грелся на солнце, рассказывая что-то неубедительное.

– Ясно, – сказал я ему, – не хочешь говорить – не говори. А кто у вас бухгалтерией занимался?

– Бухгалтерией? – Коча открыл глаза. – Зачем тебе бухгалтерия?

– Хочу узнать, сколько у вас бабла.

– Ага, Гера, бабла у нас до хуя, – нервно засмеялся Коча. И добавил: – Тебе с Ольгой поговорить надо. Юра, брат твой, с ней работал. У нее фирма в городе.

– Это что – телка его?

– Какая телка?! – обиделся Коча. – Я ж говорю – Юра с ней имел дела.

– А где у нее офис?

– Ты что – прямо сейчас хочешь к ней пойти?

– Ну не сидеть же мне тут с тобой.

– Сегодня воскресенье, Гер, дружище, выходной.

– А завтра?

– Что завтра?

– Завтра она работает?

– Не знаю, наверно.

– Ладно, Коча, ты занимайся клиентами, – сказал я, обозревая пустую трассу. – А я спать хочу.

– Иди в вагончик, – сказал на это Коча. – И спи.

* * *

Свет пробивался сквозь шторы, наполняя помещение пятнами и солнечной пылью. Горячие полосы тянулись по полу, как просыпанная мука. Над дверью были прикреплены какие-то самодельные шторы, сделанные из бобинной пленки. Видно, Коча долго над ними трудился. Я вошел, не закрывая за собою дверь, и огляделся вокруг. Сквозняки касались пленки, и та легко шуршала, как кукурузные листья. Под стенами стояли два продавленных диванчика, справа была устроена кухня, с плитой, древним холодильником и разной утварью на стенах, а слева, в углу, стоял письменный стол, заваленный подозрительным мусором, копаться в котором мне не хотелось. И над всем этим стоял странный запах. Я был уверен, что в помещении, где живет друг Коча, должно было вонять. Чем? Да чем угодно – кровью, спермой, бензином, в конце концов. Между тем в вагончике пахло хорошо налаженным мужским бытом, это такой странный запах, он всегда стоит в помещениях, где живут вдовцы, но как бы это правильно сказать – довольные собой вдовцы, вдовцы, у которых все в порядке с самооценкой. Вот у Кочи с самооценкой было, очевидно, все в порядке, – подумал я, падая на диван, который показался мне менее продавленным и более прибранным. Упал, стянул с ног кроссовки и вдруг почувствовал морочливость всей этой поездки, с переездами, остановками, попутчиками, вспомнил о Каролине и ее сладком напитке, о черном небе над зарослями малины и ощущении железа, на котором спишь. Все это утро как-то странно никак не могло закончиться, будто что-то разладилось в механизмах, которыми я руководствовался. Что-то не складывалось. Я как бы стоял в просторном помещении, в которое запустили каких-то неизвестных мне людей, а потом выключили свет. И хотя помещение было мне знакомым, присутствие этих чужих людей, которые стояли рядом и молчали, что-то от меня скрывая, настораживало. Ладно, подумал я, уже засыпая, – в случае чего всегда можно уехать домой.

Стена над диванчиком была облеплена фотографиями, вырезками из журналов и цветными картинками. Коча, как маньяк, сплошь понаклеивал тут фрагменты лиц, контуры тел, растерзанные толпы, из которых вырывались чьи-то глаза и губы; были это веселые коллажи, будто он долго приклеивал друг к другу обрывки разных историй, вырезки из случайных изданий, просто исписанную бумагу, среди которой можно было различить этикетки от спиртного и политические листовки, фото из журналов мод и черно-белые порнооткрытки, футбольные календарики и чье-то водительское удостоверение. Издалека все это сливалось в причудливый узор, как будто кто-то долго издевался над фотообоями. Вблизи в глаза бросалось множество деталей – пожелтевшая бумага газетных вырезок, выколотые глаза манекенщиц, свежeproлитый клей и темно-багряные капли клубничного джема, похожие на загустевший лак для ногтей. И все это объединял какой-то общий фон, глиняно-салатное наполнение, мелко испещренное буквами и знаками, ломаными линиями и цветными пятнами. Я долго всматривался, но не мог понять, в чем тут дело. Наконец подцепил пальцем дембельский портрет Кочи и, потянув на себя, оторвал. Под фото находилась большая буква С. Это была карта. Скорее всего, Советского Союза, и скорее всего, географическая: суглинок – это Карпаты, Кавказ и Монголия, салат – тайга и Прикаспийская измененность, там, где суглинок твердел, покрываясь меловой сухостью, – должны быть пустыни. Тихий океан был темно-синий, Северный – голубовато-слюдяной. На месте Северного полюса висела голая баба с отрезанной головой. Кружок юных краеведов. Я провалился в тишину.

* * *

Проснулся я от чых-то голосов, и голоса мне сразу не понравились. Быстро вскочил с дивана, вышел во двор. Голоса доносились от заправки, кричали сразу несколько человек, я узнал только испуганный голос Кочи.

Возле будки в креслах сидели, развалившись, два чувака, в пиджаках и джинсах. Один был с галстуком, другой – похоже, главный – с расстегнутым воротничком, один в кроссовках, другой, главный – в кожаных ботинках. Третий чувак, в джинсах и адидасовской куртке, держал Кочу за шкуру и время от времени сильно его встряхивал. Коча что-то протестующе вскрикивал, чуваки в креслах начинали смеяться. Ага, подумал я, и шагнул вперед.

– Эй, – сказал громко, – шо за дела?

Въезу первого, подумал, а там в случае чего убегу. Только с Кочей что делать?

Чувак от неожиданности выпустил Кочу, тот упал на асфальт. Двое в креслах недовольно посмотрели в мою сторону.

– Шо за хуйня? – сказал я, тщательно подбирая слова.

– А ты кто такой? – угрюмо спросил тот, что тряс Кочу.

– А ты? – спросил я его.

– Эй, доходяга, – чувак ткнул ногой Кочу, сидевшего рядом с ним на асфальте и растравшего шею. – Кто это?

– Это Герман, – сказал ему Коча, – Юрика брат. Хозяин.

– Хозяин? – переспросил старший и медленно поднялся. Второй, в галстук, поднялся вслед за ним.

– Хозяин, – подтвердил Коча.

– Как это хозяин? – не понял главный. – А Юрик?

– А Юрика нет, – объяснил Коча.

– Ну, и где он? – недовольно переспросил главный.

– На курсах, – сказал я, – повышения квалификации.

Боковым зрением я заметил, что от трассы поворачивает легковушка, вся надежда была на нее.

– И когда он вернется? – главный тоже увидел легковушку и говорил все менее уверенно.

– А вот повысит квалификацию, – сказал я ему, – и вернется. А шо за дела?

Легковушка выскочила на площадку перед заправкой и, протяжно заскрипев, притормозила. Пыль улеглась, и из машины вылез Травмированный. Окинул недобрым взглядом компанию и направился к нам. Подойдя к будке, остановился, ничего не говоря, но внимательно за всем наблюдая.

– Так шо за дела? – переспросил я на всякий случай.

– Бензин бодряжите, – со злобой в голосе ответил главный.

– Разберемся, – пообещал я ему.

– Разбейтесь, – недовольно согласился главный и двинулся к джипу, стоящему поодаль.

Двое других направились следом. Тот, что держал Кочу, замахнулся, чтобы еще раз его пнуть, но наткнулся взглядом на Травмированного и отошел.

За джипом тянулся след по асфальту. Наверное, приехав, они резко тормозили. К бензokolонкам след не вел. Похоже, никто здесь и не думал заправляться. Чуваки сели, дали по газам и помчались в сторону трассы. Коча поднялся и стал отряхиваться.

– Кто это? – спросил я его.

– Шпана, – порывисто ответил Коча. – Кукурузные короли.

– Чего хотели?

– Ничего не хотели, – Коча надел очки и, проскользнув мимо меня, скрылся за углом здания.

– Привет, Герман, – подошел Травмированный и пожал руку.

– Привет. Что тут у вас?

– Сам видишь, – он кивнул головой в сторону трассы. – Еще и брат твой уехал.

– А почему уехал?

– А откуда я знаю, – резко ответил Травмированный. – Думаю, заебался от всего, вот и уехал. Я тоже уеду. Вот доделаю карбюратор одному хую из Краматорска и уеду. Само собой, – Травмированный мрачно огляделся, но не увидев никого, кого бы это касалось, развернулся и пошел в гараж.

* * *

Настроение Травмированного меня не удивило. Он постоянно был всем недоволен. Всегда будто искал, с кем завестись. Хотя, скорее, так он защищался. Травмированный старше меня лет на десять. Он был живой легендой, лучшим бомбардиром за всю историю физкультурного движения в нашем городе. В начале девяностых мы с ним еще успели поиграть в одной команде. Уход из большого спорта стал для него тяжелой психологической травмой – Травмированный озлобился и растолстел. Небольшого роста, с пижонскими усиками и солидным брюшком, он был похож не так на бомбардира, как на какого-нибудь клубного массажиста. Или на футбольного комментатора. Начав новую жизнь, Травмированный быстро приобрел славу лучшего механика, но идти на кого-то работать не хотел, вот только брату удалось с ним договориться – он взял Травмированного партнером, не влезая в его дела и мало интересуясь его проблемами. Травмированного это устраивало. Он приезжал, когда хотел, уезжал, когда хотел, и делал то, что ему нравилось. Но была у него еще одна страсть, проявлявшаяся в свободное от работы время. Еще со времен своей звездной бомбардирской карьеры у Травмированного была чрезмерная тяга к женщинам. Из-за этого и не женился, ибо на ком должен был жениться, если спал одновременно с шестью женщинами? И что интересно, после завершения спортивной карьеры количество их не уменьшилось. Скорее наоборот – с возрастом Травмированный приобрел некий шарм, старательно лелея и поддерживая вокруг себя эту удивительную ауру – сорокалетнего пузатого женолюба. Женщины Травмированного обожали, и он, сука, знал об этом. В нагрудном кармане своей белоснежной рубашки всегда носил металлическую расческу, которой время от времени подправлял усики. При нем всегда был одеколон и кассеты с романтическими мелодиями, или, как он сам это называл – музыкой любви. Иногда Травмированный выгребал за аморалку от оскорбленных мужчин. Тогда он закрывался в гараже и сидел там целыми днями, закручивая какие-то гайки. Был он добрый, но немножко зажатый, может быть, поэтому всем постоянно и хамил. Я к этому привык.

* * *

Что же выходило? Выходило так, что какие-то хуи прессовали здесь Кочу, и если бы не Травмированный, то вполне возможно, что стали бы прессовать и меня, хозяина заправки.

Поскольку именно я считался ее официальным хозяином. Брат, чего-то опасаясь, еще лет пять тому назад предусмотрительно оформил все документы на меня. Отношения у нас с ним были доверительными.

Он знал, что даже если я захочу сделать с его бизнесом что-то плохое, то все равно не сумею, поэтому просто попросил не волноваться и поставить подпись в нужных местах. В дальнейшем он научился подделывать мою подпись, поэтому я даже не знал, как там у него дела, какие налоги он платит и какие имеет прибыли. У него были свои проблемы, а у меня до последнего времени проблем вообще не было. И вот вдруг оказалось, что их, проблем, у меня на самом деле целая куча. И нужно как-то их решать. Можно было, правда, на все это забыть. И тоже свалить в Амстердам. Хуже всего то, что брат ничего не сказал. И как теперь быть, я даже не догадывался. Еще несколько дней назад я считался свободным и независимым экспертом, который боролся непонятно с кем за демократию, а теперь вот на мне висела недвижимость, с которой нужно что-то делать, поскольку брата рядом нет и подделывать мою подпись некому.

Так или иначе, нужно было идти к этой их Ольге и хоть что-нибудь разузнать. Домой я сегодня не попадал никак. Лучше позвонить Лелику и предупредить. Я зашел в будку. На стене висел телефонный аппарат. Снял трубку.

– Не работает, – Коча стоял на пороге и смотрел на трубку в моей руке. – Я же говорил тебе.

– А мобила у тебя есть?

– Есть. Но тоже не работает, – ответил Коча.

– А у Травмированного?

– У Травмированного есть. Но он не даст.

– Хуй там не даст, – не поверил я и, оттолкнув Кочу, пошел в гараж.

Травмированный успел переодеться в синюю спецовку и натянуть на голову черный берет. Перед ним покачивалось, подвешенное на лебедке, какое-то железо, и Травмированный ошупывал его, как мясник коровью тушу.

– Шур, – сказал я, – дай мобилу. Я тут у вас до завтра остаюсь, надо своих предупредить.

– Остаешься? – посмотрел на меня Травмированный. – Давай. Только у меня денег на счету нет, так что болт.

– А откуда можно позвонить?

– Сходи на телевышку, здесь недалеко. И не мешайте мне, блядь! – крикнул он вслед.

* * *

Я обошел будку, миновал вагончик и по тропинке зашагал вперед. Спустился в балку, забрался на гору и, продравшись сквозь заросли малины, вышел на асфальтовую дорогу, ведущую от трассы. Подошел к забору, который тянулся вокруг телевышки. На воротах было написано «Вход воспрещен». Между тем сами ворота были открыты. Зашел во двор. Тропинка вела к одноэтажному зданию, в котором, видимо, и находился пульт управления или что там есть на телевышках. Сама вышка стояла поодаль, обсаженная цветами и обнесенная колючей проволокой. Из-за угла выскочила старая овчарка, подошла, лениво обнюхала мою обувь и пошла своей дорогой. Ни души. Даже если предположить, что за телевизионные трансляции здесь отвечала овчарка, обязанностями своими она откровенно пренебрегала. Я постоял, подождал, пока кто-нибудь выйдет, и, не дождавшись, подошел к дому. Дверь была закрыта. Я постучал. Никто, ясное дело, не ответил. Заглянул в окно. Там было темно и пусто. Вдруг изнутри выплыло лицо. Я испуганно отступил назад. Лицо сразу исчезло, послышались шаги, дверь

открылась, на пороге стояла девочка лет шестнадцати, с коротко подстриженными черными волосами, большими серыми глазами и пластмассовыми серьгами в ушах. На ней была светлая короткая майка и джинсовая юбочка. На ногах – легкие сандалии.

- Привет, – сказала.
- Привет, – ответил я. – Я Герман. С бензозаправки.
- Герман? – переспросила она. – Ты брат Юры?
- Ты его знаешь?
- Здесь все друг друга знают, – объяснила она.
- У вас телефон есть? Мне позвонить надо, а у нас отключили. Коча говорит – за неуплату.
- Опять этот Коча, – сказала девочка и отступила в сторону, пропуская меня.

Я прошел по коридору, попал в комнату с кроватью у одной стены и столом у другой. На столе стоял телефон. Девочка вошла следом, стала у порога, внимательно наблюдая за мной.

- Можно? – спросил я.
- Давай, – ответила она. Из комнаты при этом не вышла.

Я взял трубку, набрал свой домашний.

- Да, – недовольным голосом сказал Лелик.
- Привет, это я.
- Ты где? – спросил Лелик.
- Я у брата, все нормально. Вы как доехали?
- Хуево доехали. Борю укачало, еле довез.
- Ну, сейчас все в порядке?
- Да, нормально. Ты когда будешь?
- Слушай, брателло, тут такая штука – я еще на день останусь. Надо завтра с бухгалтером встретиться. – Девочка за спиной хмыкнула. – Так что буду во вторник. Скажешь Боре, хорошо?
- Ну, не знаю. Может, ты сам ему скажешь?
- Да ладно, давай, подстрахуй. Договорились?
- Ты бы поговорил с Борей, а? Чтобы проблем не было.
- Да какие проблемы, Лелик? Не выебывайся. Другьям нужно доверять.
- Ну, ладно.
- А я тебе бабу привезу. Резиновую.
- Лучше кардан мне привези.
- Ты будешь делать это с карданом?
- Мудак, – сказал Лелик и положил трубку.

Девочка проводила меня на улицу.

- Спасибо, – сказал я ей.
- Не за что. Передавай привет брату.
- Он куда-то уехал.
- А ты – тоже куда-то уедешь?
- А ты хочешь, чтоб я остался?
- Нужен ты мне, – девочка говорила спокойно и рассудительно.
- Тебе здесь одной не страшно?

– Не страшно, – сказала она. – Иди. А то собаку на тебя спущу.

Я дошел до ворот, остановился. Выглядывая исподтишка в окно, она смотрела мне вслед. Я помахал ей рукой. Поняв, что ее разоблачили, девочка засмеялась и помахала в ответ. Потом быстрым неожиданным движением задрала на груди майку, показав все, что у нее там было, и уже в следующий миг исчезла. Я не поверил своим глазам, постоял, ожидая, не появится ли она снова. Но ее не было. Какая странная, подумал я и пошел обратно.

* * *

Трудовые будни были в разгаре. Коча полулежал в кресле с катапульты и сладко спал, зажав правую ладонь худыми ногами. Я пошел в гараж. Травмированный, голый по пояс, мокрый и недовольный всем на свете, вертелся вокруг подвешенного железа, периодически толкая его своим животом. Увидев меня, махнул рукой, вытер пот со лба и решил сделать перекур.

– Дозвонился?

– Ага. Завтра поеду.

– Ну-ну, – Травмированный смотрел на меня строго.

– Шур, – сменил я тему. – Что это за старшеклассница там, на вышке?

– Катя? – глаза Травмированного вдруг покрылись теплой мечтательной поволокой, а на полноватых губах появилась отцовская улыбка. – Что она говорила?

– Ничего не говорила. Хорошая девушка. Скромная.

– Держись от нее подальше, – миролюбиво сказал Травмированный. – А то знаю я вас.

– Она там работает?

– Папа ее работает. А она ему обеды носит.

– Красная Шапочка прямо.

– Что?

– Ничего.

– Герман, – вдруг спросил Травмированный. – Ты кем работаешь?

– Независимым экспертом, – ответил я.

– И что ты делаешь?

– Как тебе сказать? Ничего.

– Знаешь, Герман, – посмотрел на меня Травмированный. – Я тебе не верю. Ты уж извини, но я тебе скажу, как думаю.

– Валяй.

– Не верю я тебе, короче. Бросишь ты нас. Потому что тебе все это на хуй не нужно. И Коче тоже на хуй не нужно. Ты даже не знаешь, чем ты занимаешься. Вот брат твой – он совсем другой.

– Ну, так чего ж он уехал?

– Какая разница?

– Большая разница. Кто это приезжал, на джипе?

– Боишься?

– Чего мне бояться?

– Боишься-боишься, я же вижу. И Коча их боится. И все бояться. А вот брат твой не боялся.

– Да что ты заладил – брат-брат!

– Ладно, не злись, – Травмированный накинул куртку и вернулся к работе. Запустил какую-то машину. Сразу же заложило уши.

– Шура! – крикнул я ему. Он остановился и посмотрел на меня, машины при этом не выключая. – Я не боюсь. Чего мне бояться? Просто у вас своя жизнь, а у меня – своя. Травмированный в знак согласия кивнул головой. Может, он меня не услышал.

* * *

Вечером Шура молча со всеми попрощался и уехал домой. Коча так и сидел на катапульте, покрытый оранжево-синей вечерней пылью, находясь в каком-то странном полусонном состоянии, из которого его не вывели ни отъезд Травмированного, ни регулярные требования водителей фур заправить их. Травмированный показал мне, как работает колонка, и я, как сумел, закачал бензин в три нечеловеческих размеров грузовика, похожих на тяжелых уставших ящериц. Солнце садилось где-то по ту сторону трассы, и сумерки распускались в воздухе, как подсолнухи. Вместе с сумерками оживал Коча. Где-то около девяти он встал, закрыл будку на замок и усталое побрел на задворки. Тяжело вздыхая, озабоченно покрутился возле кабины, в которой я спал прошлой ночью, и, протиснувшись внутрь, разлегся на кресле водителя, вытянув ноги через разбитое стекло. Я залез вслед за ним, сел рядом. Долина внизу погружалась во тьму. На востоке небо уже покрывалось тусклой мглой, а с запада, прямо над нашими головами, по всей долине разливались красные огни, возвещая о скором приближении ночи. От реки поднимался туман, скрывая в себе маленькие фигурки рыбаков и ближние дома, вытекая на дорогу и заползая в предместья. За городом в балках тоже стоял белый туман, и вся долина мягко расплывалась перед глазами, как речное дно, проваливаясь в темноту, хотя здесь, на холмах, было еще совсем светло. Коча смотрел на все это круглыми от удивления глазами, не моргая и не отводя взгляда от надвигающейся ночи.

– Держи, – я протянул Коче свой плеер.

Он натянул наушники на лысину, пощелкал, регулируя громкость.

– А что здесь? – спросил.

– Паркер, – ответил я. – Десять альбомов.

Коча какое-то время слушал, потом отложил наушники в сторону.

– Знаешь, что по-настоящему хорошо? – сказал я ему. – Над вами тут совсем не летают самолеты.

Он посмотрел вверх. Самолетов и правда не было. В небе мелькали какие-то отблески, вспыхивали зеленые искры, прокатывались золотистые шары, и облака резко подсвечивались, отползая на север.

– Спутники летают, – ответил наконец. – Их ночью хорошо видно. Я когда не сплю, всегда их вижу.

– А чего ты ночью не спишь, старик?

– Да ты понимаешь, – начал Коча, поскрипывая согласными, – какая беда. У меня проблемы со сном. Еще с армии, Гер. Ну, ты знаешь – десант, парашюты, адреналин, это на всю жизнь.

– Угу.

– Ну и купил я снотворное. Попросил что-нибудь, чтоб с ног валило. Взял какую-то химию. Начал пить. И ты понимаешь – не берет. Я специально дозу увеличил, а все равно не могу заснуть. Зато, заметь, – начал спать днем. Парадокс...

– А что ты пьешь? Покажи.

Коча пошарил в карманах комбинезона, извлек бутылочку с ядовитого цвета этикеткой. Я взял бутылочку в руки, попытался прочитать. Какой-то неизвестный язык.

– Может, это что-то от тараканов? Кто это вообще производит?

– Мне сказали – Франция.

– По-твоему, это французский? Вот эти иероглифы? Ладно, давай я тоже попробую.

Открутил крышечку, достал сиреневую таблетку, бросил в рот.

– Да нет, Гер, дружище, – Коча забрал бутылочку, – ты что, с одной не вставишь. Я меньше пяти не пью.

И словно в подтверждение своих слов, Коча высыпал в глотку прямо из бутылочки несколько таблеток.

– Дай сюда, – я забрал бутылочку, вытряхнул себе на ладонь несколько таблеток, быстрым движением забросил в рот.

Сидел и прислушивался к собственным ощущениям.

– Коч, по ходу не действует.

– Я тебе говорил.

– Может, нужно запивать?

– Я пробовал. Вином.

– И что?

– Ничего. Моча потом красная.

Сумерки становились все плотнее, затекая между веток на деревьях и сгущаясь в теплой запыленной траве, обступающей нас. В долине горели апельсиновые огни, прожигая туман вокруг себя. Небо становилось черным и высоким, созвездия проступали на нем, как лица на фотопленке. Главное, что совсем не хотелось спать. Коча снова надел наушники и стал слегка раскачиваться в такт неслышной музыке.

Вдруг я заметил внизу, на склоне, какое-то движение. Кто-то поднимался от реки, тянулся вверх по крутому подъему, утопая в тумане. Трудно было понять, кто именно там шел, но слышны были эти шаги, будто кто-то гнал от воды напуганных животных.

– Ты это видишь? – настороженно спросил я Кочу.

– Да-да, – Коча довольно кивал головой.

– Кто это?

– Да-да, – продолжать кивать головой Коча, разглядывая ночь, неожиданно надвинувшуюся на нас.

Я замер, прислушиваясь к голосам, которые звучали все четче, приближаясь в терпкой влажной мгле. Туман, подсвеченный снизу, из долины, казался наполненным движением и

теньями. Над туманом воздух был прозрачен, в нем время от времени пролетали летучие мыши, кружа над нашими головами и резко ныряя обратно, в мокрое месиво. Голоса усилились, шаги стали совсем четкими и вдруг, прямо перед нами, из тумана начали вываливаться фигуры, быстро приближаясь по густой горячей траве. Они легко двигались, поднимаясь вверх, и становилось их все больше и больше. Я уже видел лица передних, а из тумана доносились все новые и новые голоса, и звучали они сладко и пронзительно, устремляясь в небо, как дымы из каминов. Когда первые из них подошли, я хотел их окликнуть, сказать что-то такое, что могло бы их остановить, но не нашел слов и лишь молча наблюдал, как они подходят совсем близко и, не замечая нас, направляются дальше, вперед, не останавливаясь и исчезая в ночном мареве. Было непонятно, кто это, какие-то странные существа, почти бестелесные, мужчины, скрывающиеся в своих легких сгустки тумана. Были они высокого роста, с длинными нечесаными волосами, завязанными в хвосты или собранными в ирокезы, лица у них были темные, в шрамах, у некоторых на лбу были нарисованы странные знаки и буквы, у кого-то – сережки в ушах и носу, у кого-то лица закрыты платками. На шеях у них раскачивались медальоны и бинокли, за спинами несли удочки и ружья, кто-то держал знамя, кто-то – длинную сухую палку с собачьей головой на конце, кто-то нес крест, кто-то – мешки со скарбом, у многих были барабаны, в которые они, впрочем, не били, закинув их за спины. Одеты были небрежно и цветисто, одни в офицерских френчах, другие накинули на плечи овечьи кожухи, многие были в простых длинных белых одеждах, густо окропленных куриной кровью. Кое-кто шел без сорочки, и раскидистые татуировки синевато поблескивали под ночными звездами. У некоторых на ногах были армейские сапоги, у кого-то веревочные сандалии, но большинство шли босиком, давя ногами жуков и полевых мышей, наступая на колючки и совсем не выказывая боли. За мужчинами шли женщины, тихо переговариваясь в темноте и время от времени прыская коротким смехом. У них были высокие прически, у многих – дреды, хотя попадались и вовсе лысые, правда, с разрисованными красным и синим черепами. На шеях висели иконки и пентаграммы, за спинами у них сидели дети, сонные, голодные, с большими пустыми глазами, впитывающими в себя окружающую тьму. Платья у женщин – длинные и яркие, будто они были обмотаны флагами каких-то республик. На ногах – браслеты и фенечки, а у некоторых на пальцах ног – мелкие серебряные перстни. Когда и они прошли, из тумана начали выступать темные фигуры, вообще ни на что не похожие. У некоторых на голове – бараньи рога, обмотанные лентами и золотой бумагой, у других тело покрыто густой шерстью, еще у кого-то за спиной шуршали индюшачьи крылья, а у последних, самых темных и молчаливых, были скрюченные тела, они будто срослись между собой, так и двигаясь – с двумя головами на плечах, с двумя сердцами в груди и с двумя смертями про запас. А за ними из тумана выплывали разморенные коровьи головы, неизвестно, как их сюда выгнали, как затащили на эти высокие склоны. Коровы шли, волоча за собой бороны, на которых лежали слепые змеи и мертвые бойцовские псы. И боронами этими заматались следы невероятной вереницы, прошедшей только что мимо нас. Коров подгоняли пастухи, одетые в черные пальто и серые шинели, они гнали животных в ночь, напряженно проверяя, чтобы не оставить после себя следов, по которым их можно было бы найти. Лица некоторых пастухов были мне знакомы, только я не мог вспомнить, кто они. И они тоже заметили меня и смотрели мне прямо в глаза, от чего я совсем потерял разум и покой, хотя они продолжали идти, оставляя после себя раскаленный запах железа и горелой кожи. Там, откуда они пришли, уже светлело небо, и как только они исчезли, воздух проникся ровным серым светом, наполняясь, как сосуд водой, новым утром. По небу прошла красная трещина, и утро начало заливать собой долину. Коча сидел рядом и, казалось, спал. Но спал с открытыми глазами. Я резко втянул ноздрями воздух. Утро горчило и оставляло привкус голосов, которые здесь только что звучали. Такое впечатление, будто мимо меня прошла смерть. Или проехал товарный поезд.

3

Утром мы выпили заваренный Кочей чай, он объяснил мне, как найти Ольгу, и посадил в фуру, которую перед этим заправил.

- Дай мне свою отраву, – сказал я. – Спрошу хоть, что ты пьешь. Где ты это покупал?
- На площади, – ответил Коча. – В аптеке.

* * *

Внизу, сразу за мостом, начиналась липовая аллея, деревья тянулись вдоль трассы, солнце пробивалось сквозь листву и слепило. Водитель нацепил солнцезащитные очки, я закрыл глаза. Влево от дороги отходила дамба, построенная здесь на случай наводнения. Весной, когда река разливалась, вокруг образовывались большие озера, иногда они прорывали дамбу и заливали городские дворы. Мы вкатились в город, оставили позади первые дома и остановились на пустом перекрестке.

- Ну все, друг, мне направо, – сказал водитель.
- Давай, – ответил я и прыгнул на песок.

На улицах было пусто. Солнце, словно течением, медленно относилось на запад. Оно проплывало над кварталами, от чего воздух становился густым и теплым, и свет на нем оседал, как речной ил. Это была старая часть города, дома стояли здесь одно– или двухэтажные, из красного потрескавшегося кирпича. Тротуары были сплошь засыпаны песком, во дворах пробивалась зелень, как будто город опустел и зарастал теперь травой и деревьями. Зелень забивала собой все щелки и тянулась вверх легко и настойчиво. Я прошел мимо нескольких мелких магазинов с открытыми дверями. Изнутри пахло хлебом и мылом. Непонятно было, где покупатели. Возле одного магазина, прислонившись к двери, стояла утомленная солнцем продавщица в красном коротком платье. У нее были тяжелые смоляные волосы, большие груди, загорелая кожа, и на этой теплой коже выступал пот, похожий на капли свежего меда. На шее висели бусы и цепочки с несколькими золотыми крестиками. На каждой руке были золотые часы, хотя, может, это мне показалось. Проходя мимо, я поздоровался. Она кивнула в ответ, глядя на меня пристально, но не узнавая. Какая она напряженная, подумал я. Будто ждет кого-то. Пройдя пару кварталов, зашел в телефонную контору. Внутри было сыро, как в аквариуме, у окошечка кассы стояли посетители – два местных ковбоя, в майках, открывавших плечи, густо покрытые татуировками. Дождавшись, пока ковбой отвалит, заплатил за телефон и вышел наружу. Повернул за угол, прошел по улочке с закрытыми киосками и оказался на площади. Площадь напоминала бассейн, из которого выпустили воду. Сквозь выбеленные дождями каменные плиты прорастала трава, все это становилось похожим на футбольное поле. По ту сторону площади находилось здание администрации. Я зашел в аптеку. За прилавком стояла крашеная блондинка – девочка в белом халате на голое тело. Увидев меня, незаметно надела сандалии, стоявшие рядом с ней на каменном прохладном полу.

- Привет, – сказал я. – Здесь мой дедушка у вас лекарство купил. Можешь сказать, от чего оно?
- А что с вашим дедушкой? – недоверчиво спросила девочка.
- Проблемы.
- С чем?

– С головой.

Она взяла у меня из рук бутылочку, внимательно изучила.

– Это не от головы.

– Seriously?

– Это от желудка.

– Крепляет или расслабляет? – спросил я на всякий случай.

– Крепляет, – сказала она. – А потом расслабляет. Но они просрочены. Как он себя чувствует?

– Крепится, – ответил я. – Дай каких-нибудь витаминов.

* * *

Офис находился рядом, в тихом тенистом переулке. У двери росла развесистая шелковица, возле нее стоял битый скутер. Раньше, в моем детстве, здесь был книжный магазин. Дверь, тяжелая, оббитая железом и окрашенная в оранжевый цвет, сохранилась с тех времен. Я открыл ее и вошел.

Ольга сидела у окна на бумагах, сложенных стопкой. Она была примерно одного возраста с моим братом, но выглядела довольно хорошо, у нее были кудрявые рыжие волосы и белая как мел кожа, будто подсвеченная изнутри лампами дневного света. Почти не пользовалась косметикой, наверное, это и делало ее моложе. Одета была в длинное вязаное платье, на ногах – фирменные белые кроссовки. Сидела на документах и курила.

– Привет, – поздоровался я.

– Добрый день, – она разогнала рукой дым и оглядела меня с головы до ног. – Ты Герман?

– Ты меня знаешь?

– Мне Шура сказал, что ты зайдешь.

– Травмированный?

– Да. Садись, – она встала с бумаг, указывая на стул возле стола.

Бумаги тут же завалились. Я наклонился было, чтобы собрать, но Ольга остановила:

– Брось, – сказала, – пусть лежат. Их давно пора выбросить.

Она села в свое старое кресло, обтянутое дерматином, и положила ноги на стол, как копы в кинофильмах, придавив кроссовками какие-то отчеты и формуляры. Платье на мгновение задралось. У нее были красивые ноги – длинные худые икры и высокие бедра.

– Куда ты смотришь? – спросила она.

– На формуляры, – ответил я и сел напротив. – Оль, я хотел поговорить. У тебя есть пара минут?

– Есть час, – ответила она. – Хочешь поговорить о своем брате?

– Точно.

– Ясно. Знаешь что? – она резко убрала ноги, икры снова промелькнули перед моими глазами. – Пошли в парк. Тут дышать нечем. Ты на машине?

– Попуткой, – ответил я.

– Не страшно. У меня скутер.

Мы вышли, она закрыла за собой дверь на всякий замок, села на скутер, тот с третьей попытки завелся. Кивнула мне, я сел, легко взяв ее за плечи.

– Герман, – повернулась она, перекивая скутер, – ты когда-нибудь ездил на скутере?

– Ездил, – крикнул я в ответ.

– Знаешь, как руки держать надо?

Я смущенно убрал руки с ее плеч и положил на талию, ощущая под платьем ее белье.

– Не увлекайся, – посоветовала она, и мы поехали.

Парк был напротив, нужно было всего лишь перейти дорогу. Но Ольга промчалась по улице, выехала на пешеходную часть и нырнула в густые кусты, которыми была обсажена территория парка. Тут была тропинка. Ольга умело проскользнула между деревьями, и вскоре мы выскочили на асфальтовую дорожку. Аллеи были солнечные и пустые, за деревьями виднелись аттракционы, качели, сквозь которые пробивались молодые деревья, детская площадка, где из песочниц рвалась вверх трава, будки, в которых раньше продавались билеты, а теперь мягко ворковали сонные голуби и прятались бродячие собаки. Ольга объехала фонтан, свернула в боковую аллею, проскочила мимо двух девочек, выгуливавших такс, и остановилась у старого бара, стоявшего над речкой. Бар тут был с давних времен, в конце восьмидесятых, помню, в одной из его комнат открыли студию звукозаписи, перегоняли винил на бобины и кассеты. Я тут, еще когда был пионером, записывал хэви-металл. Бар, как оказалось, все еще работал. Мы зашли внутрь. Это было довольно просторное помещение, насквозь пропахшее никотином. Стены обшиты деревом, окна завешены тяжелыми шторами, во многих местах прожженными окурками и измазанными губной помадой. За стойкой бара стоял какой-то чувак, лет шестидесяти, цыганской наружности, я имею в виду – в белой рубашке и с золотыми зубами. Ольга поздоровалась с ним, тот кивнул в ответ.

– Не знал, что этот бар еще работает, – сказал я.

– Я сама тут сто лет не была, – объяснила Ольга. – Не хотела говорить с тобой в офисе. Здесь спокойнее.

Подошел цыган.

– У вас есть джин-тоник? – спросила Ольга.

– Нет, – уверенно ответил тот.

– А что у вас есть? – растерялась она. – Герман, что ты будешь? – обратилась ко мне. – Джин-тоника у них нет.

– А портвейн у вас есть? – спросил я цыгана.

– Белый, – сказал цыган.

– Давай, – согласился я. – Оль?

– Ну хорошо, – согласилась она, – будем пить портвейн.

– Давно виделся с братом?

– Полгода назад. Знаешь, где он?

– Нет, не знаю. А ты?

– И я не знаю. У вас с ним были какие-то отношения?

– Да. Я его бухгалтер, – сказала Ольга, достала сигарету и закурила. – Можно назвать это отношениями.

– Не обижайся.

– Да ничего.

Пришел цыган с портвейном. Портвейн был разлит в стаканы, в каких на железной дороге приносят чай. Только подстаканников не было.

– И что собираешься делать дальше? – спросила Ольга, сделав осторожный глоток.

– Не знаю, – ответил я. – Я всего на пару дней приехал.

– Ясно. Чем занимаешься?

– Да так, ничем. Держи, – достал из джинсов визитку, протянул ей.

– Эксперт?

– Точно, – сказал я и выпил свой портвейн. – Оль, ты знаешь, что все это хозяйство записано на меня?

– Знаю.

– И что мне делать?

– Не знаю.

– Но не могу же я все это так просто оставить?

– Наверное, не можешь.

– У меня ж будут проблемы?

– Могут быть.

– Так что мне делать?

– Ты не пробовал связаться с братом? – помолчав, спросила Ольга.

– Пробовал. Только он трубку не берет. Где он, я не знаю. Коча говорит, что в Амстердаме.

– Опять этот Коча, – сказала Ольга и помахала цыгану, чтобы тот принес еще.

Цыган недовольно выбрался из-за стойки, поставил перед нами недопитую бутылку портвейна и вышел на улицу, очевидно, чтобы его больше не беспокоили.

– Эта заправка, она вообще прибыльная?

– Как тебе сказать? – ответила Ольга, когда я разлил и она снова выпила. – Денег, которые зарабатывал твой брат, хватало, чтобы продолжать работать. Но не хватало, чтобы открыть еще одну заправку.

– Ага. Брат не хотел ее продать?

– Не хотел.

– А ему предлагали?

– Предлагали, – сказала Ольга.

– Кто?

– Да есть тут одна команда.

– И кто это?

– Пастушок, Марлен Владленович. Он кукурузой занимается.

– А, наверное, я знаю, о ком ты.

– А еще он депутат от компартии.

– Коммунист?

– Точно. У него сеть заправок в Донбассе. Вот теперь здесь все скупает. Где он живет, я даже не знаю. Он предлагал Юре 50 тысяч, если я не ошибаюсь.

– 50 тысяч? За что?

– За место, – объяснила Ольга.

– И почему он не согласился?

– А ты бы согласился?

– Ну, не знаю, – признался я.

- А я знаю. Согласился бы.
- Почему ты так решила?
- Потому что ты, Герман, слабак. И прекрати пялиться на мои сиськи.

Я и правда уже некоторое время рассматривал ее платье, вырез был довольно глубокий, бюстгальтера Ольга не носила. Под глазами у нее пробивались морщинки, это делало ее лицо симпатичным. Сорока лет ей наверняка не дашь.

– Просто это не мое, Оль, понимаешь? – я пробовал говорить примирительно. – Я в его дела никогда не лез.

– Теперь это и твои дела.

– А ты, Оль, продала б ее, если б это была твоя заправка?

– Пастушку? – Ольга задумалась. – Я бы ее лучше сожгла. Вместе со всем металлоломом.

– Что так?

– Герман, – сказала она допивая – есть две категории людей, которых я ненавижу. Первая – это слабаки.

– А вторая?

– Вторая – это железнодорожники. Ну, это так, личное, – объяснила она, – просто вспомнила.

– И при чем здесь Пастушок?

– Да ни при чем. Просто я бы не стала прогибаться перед ним. А ты делай, как хочешь.

В конце концов, это твой бизнес.

– У меня, кажется, нет выбора?

– Кажется, ты просто не знаешь, есть он у тебя или нет.

Я не нашел, что ответить. Разлил остатки. Молча чокнулись.

– Знаешь, – сказала Ольга, когда молчание затянулось, – тут рядом есть дискотека.

– Знаю, – ответил я. – Я там когда-то в первый раз занимался сексом.

– О? – растерялась она.

– Кстати, в этом баре я тоже когда-то занимался сексом. На Новый год.

– Наверное, зря я тебя сюда привезла, – подумав, сказала Ольга.

– Да нет, все в порядке. Я люблю этот парк. Мы, когда в футбол играли, всегда приходили сюда после игры. Перелезали через стену стадиона и шли сюда. Обмывать победу.

– Представляю себе.

– Оль, – сказал я, – а если бы я вдруг надумал остаться? Ты бы работала на меня? Сколько тебе платил брат?

– Тебе, – ответила Ольга, – в любом случае пришлось бы платить больше. – Она достала телефон. – О, – сказала, – двенадцать. Мне пора идти.

За портвейн заплатила она. Все мои попытки рассчитаться проигнорировала, сказала, что хорошо зарабатывает и что не нужно этого жлобства.

Мы вышли на улицу. Я не совсем понимал, как быть дальше, но и спрашивать о чем-то еще желания не было. Вдруг ее телефон запищал.

– Да, – ответила Ольга. – А, да, – голос ее вдруг приобрел какую-то отстраненность. – Да, со мной. Дать ему трубку? Как знаете. Возле фонтана. Ну вот, – сказала, пряча трубку. – Сам с ними и поговоришь.

– С кем?

– С кукурузниками.

– Как они меня нашли?

– Герман, здесь вообще мало людей живет. Так что найти кого-то совсем не сложно. Они просили подождать их возле фонтана. Все, счастливо.

Села на скутер, напустила густого дыма и исчезла в дебрях парка культуры и отдыха.

* * *

Но как я их узнаю, подумалось мне. Я уже десять минут сидел на кирпичном бортике высохшего бассейна, на дне которого тоже росла трава. Она тут, казалось, росла повсюду. С другой стороны, кроме меня, двух старшеклассниц с таксами и цыгана с портвейном, в парке никого и не было. Вдруг из-за угла, разгоняя голубей и трубя клаксоном в голубое поднебесье, выкатился вчерашний черный джип. Узнаю, подумал я.

Машина сделала круг почета вокруг бассейна и остановилась прямо напротив меня. Задняя дверца распахнулась, ко мне высунулся лысый человечек в легкой тенниске и белых штанах. Вчера его не было. Улыбнулся мне всей своей металлокерамикой. Из машины, впрочем, не вышел.

– Герман Сергеевич?

– Добрый день! – ответил я, впрочем, тоже не вставая с бортика.

– Давно ждете? – лысый полулежал на кожаном сиденье, вытянувшись в мою сторону и выражая тем самым свое расположение.

– Не очень! – ответил я.

– Прошу прощения, – чуваку лежалось, наверное, неудобно, но встать он упрямо не хотел. Очевидно, это было некое примеривание статусов, кто первый поднимется. – Мы еле сюда заехали.

– Да ничего, – ответил я, усаживаясь поудобнее.

– А я смотрю, вы или не вы! – засмеялся лысый, заерзал и, не удержавшись на скользкой коже, вдруг съехал вниз, под сиденье.

Я бросился к нему. Но он ловко выполз наверх и, заняв удобную позицию, деловито протянул мне руку. Мне не оставалось ничего другого, как залезть внутрь и поздороваться.

– Николай Николаич, – представился он, доставая откуда-то из-под себя визитку, – для вас просто Николаич.

Я достал свою. На его было написано «помощник народного депутата».

– Вам куда? – спросил Николаич.

– Не знаю, – ответил я, – наверное, домой.

– Мы вас подвезем, нам по пути. Коля, поехали.

Водителя тоже звали Коля. Похоже, у них это было обязательное условие при приеме на работу. Если ты, скажем, не Коля, шансы устроиться к ним сильно уменьшались. Рядом с Колей, на соседнем кресле, валялся старый макаров, с какими-то насечками на рукоятке. Я еще подумал, что такое легкомысленное отношение к оружию обязательно должно привести к чьей-то смерти.

– Дверь, – недовольно сказал Коля.

– Что? – не понял я.

– Дверь закрой.

Я закрыл за собой дверь, и джип рванул в кусты. Коля ехал напролом, будто шел по компасу, не обращая особого внимания на дорогу. Прокатился по детской площадке, пропахал колею около дискотеки, где я впервые занимался сексом, выпрыгнул на бордюр и выкатился на дорогу. Но и здесь не искал легких путей, свернул в какой-то глухой переулок, где вместо дороги лежал битый кирпич, прогреб по какой-то стройке и, перемахнув через яму, выкопанную под фундамент, выехал на трассу. И все это время Коля слушал какую-то тяжелую гитарную музыку, каких-то раммштайнов или что-то в этом роде.

– Скрываетесь от кого-то? – спросил я Николаича.

– Нет-нет, просто Коля знает здесь все дороги, поэтому всегда срезает.

Сначала ехали молча. Потом Николаич не выдержал.

– Коля! – крикнул водителю, но тот его не услышал. – Коля, блядь! Выключи этих фашистов! – Коля недовольно оглянулся, но музыку выключил. – Герман Сергеевич, – начал Николаич.

– Можно просто Герман, – перебил я его.

– Да-да, конечно, – согласился Николаич. – Я хотел с вами поговорить.

– Давайте поговорим.

– Давайте.

– Я не против.

– Прекрасно. Коля! – крикнул Николаич. Мы как раз выехали на мост. Посреди моста Коля вдруг остановился и выключил двигатель. Наступила тишина.

– Ну, как вам тут у нас? – спросил Николаич, будто мы и не стояли посреди дороги.

– Нормально, – ответил я неуверенно. – Соскучился по родным местам. Мы что, дальше не поедем? – выглянул в окно.

– Нет-нет, – успокоил Николаич, – мы вас отвезем, куда вам надо. Вы, вообще, надолго приехали?

– Не знаю, – ответил я, начиная нервничать. – Видно будет. Брат уехал, знаете...

– Знаю, – вставил Николаич. – Мы с Юрием Сергеевичем, с Юрой, – посмотрел он на меня, – были в партнерских отношениях.

– Это хорошо, – сказал я неуверенно.

– Это прекрасно, – согласился Николаич. – Что может быть лучше партнерских отношений?

– Не знаю, – честно признался я.

– Не знаете?

– Не знаю.

– И я не знаю, – вдруг признался Николаич. Позади нас остановился молоковоз. Водитель просигналил. За молоковозом, я заметил, подъезжал еще какой-то грузовик. – Коля! – снова крикнул Николаич.

Коля вылез из машины и лениво пошел в сторону молоковоза. Подошел, поднялся на подножку, просунул к водителю в открытое окно свою большую голову, что-то сказал. Водитель заглушил машину. Коля спрыгнул на асфальт и пошел к грузовику.

– Вот к чему я веду, Герман, – продолжил Николаич, – вы человек молодой, энергичный. У вас много амбиций. Мне бы лично хотелось, чтобы у нас с вами тоже сложились добрые партнерские отношения. Как вы считаете?

- Это было бы прекрасно, – согласился я.
- Не знаю, говорила вам Ольга Михайловна или нет, но мы заинтересованы в приобретении вашего бизнеса. Понимаете?
- Понимаю.
- Вот, это хорошо, что вы меня понимаете. С братом вашим, Юрой, мы не успели договориться...
- Почему?
- Ну, понимаете, мы не успели утрясти все нюансы.
- Ну, вот он вернется – утрясете.
- А когда он вернется? – пристально посмотрел на меня Николаич.
- Не знаю. Скоро.
- А если не вернется?
- Ну как это не вернется?
- Ну так. Если так сложится.
- Не говорите глупостей, Николай Николаич, – сказал я. – Это его бизнес и он обязательно вернется. Я ничего продавать не собираюсь.

За нами выстроилась колонна машин. Те, кто ехал навстречу, останавливались спросить Колю, все ли в порядке. Коля что-то говорил, и машины быстро отъезжали.

– Не волнуйтесь, – примирительно сказал Николаич. – Я понимаю, что вы не станете с ходу продавать малознакомому человеку бизнес своего брата. Я все хорошо понимаю. Вы подумайте, время у вас есть. С братом вашим договориться мы не успели, но с вами, надеюсь, у нас все сложится как следует. Для вас это единственный выход. Дела у вас идут плохо, я знаю. Брата вашего я тоже понимал – все-таки он поднял этот бизнес с нуля. Но бизнес, Герман, всегда требует развития. Понимаете? Получите деньги, разделите с братом. Если он вернется. Вы подумайте, хорошо?

- Обязательно.
- Обещаете?
- Клянусь, – ответил я, пытаясь хоть как-то закончить этот разговор и восстановить дорожное движение.
- Ну и договорились, – довольно откинулся на кресло Николаич. – Коля! – крикнул он.

Коля не спеша сел за руль, запустил двигатель, и мы медленно тронулись. За нами двинулась и вся колонна. Проехав мост, легко выскочили на гору, свернули в сторону заправки. Подъехав, Коля резко притормозил. Я открыл дверь. Возле будки, в креслах, грелись Коча и Травмированный. Увидев меня, удивленно переглянулись.

- Ну что ж, – прощаясь, сказал Николаич. – Приятно, что мы с вами нашли общий язык.
- Послушайте, – будто что-то вспомнив, спросил я его. – А что вы сделаете, если я откажусь?
- А разве у вас есть выбор? – удивился Николаич. И тут же, широко улыбнувшись, добавил: – Хорошо, Герман, я заеду через неделю. Всего хорошего.

Коча сидел в своем оранжевом комбинезоне, расстегнутом на груди, и грел на солнце бледные мощи. На Травмированном была пижонская белоснежная сорочка и тщательно выглаженные черные брюки. На ногах – лакированные остроносые ботинки. Был похож на фермера, который выдает замуж единственную дочь. На меня оба смотрели с нескрываемой неприязнью,

Травмированный прожигал меня глазами и поглаживал пальцем полоску усов, Коча поблескивал собачьими стеклами очков.

- Что такое, Герман? – на всякий случай переспросил Травмированный.
- Они тебя били? – добавил Коча.
- Смеешься? Никто меня не бил. Просто поговорили. Подвезли меня.
- Новые друзья? – хмуро спросил Травмированный.
- Ага, – сказал я, – друзья. Хотят купить эту заправку.
- Мы знаем, Герман, – сказал на это Травмированный.
- Знаете? – переспросил я его. – Прекрасно. А что ж вы мне об этом не сказали?
- Ты не спрашивал, – обиженно объяснил Травмированный.
- О чем я должен был вас спрашивать?
- Ни о чем, – недовольно ответил Травмированный.
- Я так и подумал.

- Ну, и что ты подумал? – спросил Травмированный после паузы.
- Не знаю. Я думаю, 50 штук за весь этот металлолом – нормальная цена.
- Нормальная цена, говоришь? – Травмированный поднялся, расправив свое бомбардирское брюхо. – Нормальная цена?
- По-моему, нормальная.
- Угу, – Травмированный о чем-то размышлял, рассматривая носки своих ботинок. – Нормальная. Смотри, Герман, – сказал наконец. – Напорешь косяков, потом не разгребешь. Самое простое – это продать все на хуй, правильно?
- Может, и так, – согласился я.
- Может, и так, может, и так, – повторил Травмированный, развернулся и пошел в гараж.

Я упал в кресло рядом с Кочей. Тот прятал глаза за стеклышками очков и смотрел куда-то вверх, на тяжелые тучи, которые неожиданно надвинулись и теперь проползали над горой, почти цепляясь за одинокую мачту над будкой, как перегруженные баржи, проплывавшие над отмелью.

- Держи, – я отдал Коче витамины. Тот осмотрел бутылочку, поглядел на нее против солнца.
- Что это? – спросил недоверчиво.
- Витамины.
- От бессонницы?
- От бессонницы.
- А чьи они?
- Голландские, – сказал я. – Видишь эти иероглифы? Это голландские. Они туда грибов добавляют. Белых. Так что спать будешь как убитый.
- Спасибо, Гер, – сказал Коча. – Ты не сильно обращай внимание на Шуру. Ну, продашь ты эту заправку – и хуй с ней. Не конец света.
- Думаешь?
- Я тебе говорю.

Из открытых ворот гаража вылетел кожаный мяч, тяжело ударился о нагретый асфальт и покатился по площадке. За ним из черного гаражного проема вышел Травмированный. На нас даже не смотрел. Подошел к мячу, легко, для своего веса, подцепил его лакированным носком, подбросил в воздух, так же легко поймал левой, снова подбросил вверх. Стал набивать, не давая мячу опуститься. Делал это легко и непринужденно, умело убирал живот, чтобы не

мешать полету, иногда поддавал мяч плечом, иногда головой. Мы с Кочей замерли и молча наблюдали за этими чудесами пластики. Травмированный, казалось, совсем не потерял формы, он даже не вспотел, так – чуть воспаленные глаза, резковатое дыхание. И этот живот, которым он вертел во все стороны, чтобы не мешал.

С трассы подъехали три фуры. Водители выскочили, поздоровались с Кочей и тоже стали наблюдать за Травмированным.

– Шура! – наконец не выдержал один из них. – Дай пас!

Травмированный метнул взгляд в его сторону и неожиданно легко отпасовал. Водитель наступил на мяч, немного неуклюже бросил его перед собой и буцнул изо всех сил назад Травмированному. Шура принял и, обработав, зажал мяч между ногами. Водители не удержались и с воплями бросились на Травмированного. Пошла рубка. Травмированный уворачивался от водительских объятий, не теряя мяча, водил соперников вокруг себя, заставлял их падать и делать друг другу подножки. Водители накидывались на Травмированного, как собаки на сонного медведя, но ничего сделать не могли, страшно злились и отпускали друг другу подзатыльники. Все же постепенно Травмированный стал задыхаться и отступать в глубь асфальтовой площадки, получил пару раз по ногам и теперь немного прихрамывал. Водители почуяли кровь и бросились на него с еще большим азартом. Травмированный очередной раз увернулся, пропустил у себя под животом одного из водителей, тот врезался головой в другого, и они повалились на асфальт. Третий кинулся их поднимать. Шура перевел дыхание и посмотрел в нашу сторону.

– Герман, – крикнул. – Давай, заходи! А то три на одного выходит!

Я сразу же бросился вперед. Травмированный отпасовал мне, я подхватил мяч и погнал по площадке. Водители побежали за мной. Сделав пару кругов вокруг площадки, они тоже начали выдыхаться, остановились и, уперев руки в колени, тяжело переводили дыхание, вывалив языки, как покойники, напоминая издали трамвайные компостеры. Я остановился и вопросительно посмотрел на Травмированного. Тот махнул рукой в сторону водителей, мол, дай и им немножко поиграть. Я буцнул в сторону самого длинного из них, того, что стоял ближе. Он радостно бросился к мячу, развернулся и изо всех сил зафигачил по кожаному шару. Мяч запулил в небо, рассекая воздух и задевая облака, потом упал вниз и исчез в густой траве за площадкой. Среди водителей прокатился гул разочарования. Но, посоветовавшись, они побрели в заросли. Мы с Травмированным последовали за ними. Даже Коча поднялся. Растянувшись, мы зашли в пыль и тепло, будто африканские охотники, выгоняющие из травы львов. Мяч лежал где-то в чаще, слышалось его приглушенное рычание и едва уловимое биение кожаного сердца. Мы осторожно ступали, пытаясь найти его, время от времени перекликались и смотрели в небо, где надвигались все новые и новые тучи.

Мне это сразу что-то напомнило – эти мужчины, которые настороженно бредут по пояс в траве, раздвигая руками высокие стебли, пристально вглядываясь в сплетение побегов, прислушиваясь к голосам, доносящимся из чащи, спугивают из травы птиц, медленно пересекая бесконечное поле. Когда-то я это видел. Напряженные спины, силуэты, замирающие в сумерках, белые сорочки, светящиеся в темноте.

Когда это было? 90-й, кажется. Да, 90-й. Лето. Домашняя победа над Ворошиловградом. Гол Травмированного на последних минутах. Лучшая его игра, наверное. Ресторан «Украина», возле парка, напротив пожарной станции. Какое-то, уже вечернее, празднование победы, рэкетеры и наши игроки, какие-то женщины в нарядных платьях, мужчины в белых сорочках и

спортивных костюмах, официанты, кооператоры, мы, молодые, сидим за одним столом с бандитами; горячие волны алкоголя прокатываются в голове, так, будто ты забегаешь в ночное море, тебя накрывает черной сладко-горькой волной, и уже на берег ты выбегаешь повзрослевшим. Ящики с водкой, бескрайний стол, за которым вмещаются все, кого ты знаешь, шумная паршивая музыка, за окнами синие влажные сумерки, мокрые от дождя деревья, голоса, сливающиеся и напоминающие о дожде, разговоры мужчин и женщин, ощущение какой-то пропасти, которая начинается где-то рядом, откуда дуют горячие невыносимые сквозняки, захватывающие дух и расширяющие зрачки, подкожное ощущение тех невидимых жил, по которым перетекает кровь этого мира, – и вдруг, посреди всего этого золотого мерцания, взрывается стекло, и воздух рассыпается на миллионы хрустальных осколков – кто-то из ворошиловградских выследил наше празднование и запустил кирпичом в ресторанное стекло, которое тут же рассыпалось, и синяя ночь ввалилась в зал, отрезвляя головы и остужая кровь. И тут же, после короткой тишины, – общее движение, злоба в голосах, отвага, рвущаяся из каждого, шумное выскакивание на улицу через дверь и разбитое стекло, грохот башмаков по мокрому асфальту, белые сорочки, прыгающие в сиреневую ночь и светящиеся оттуда, женские фигуры у окна, напряженно вглядывающиеся в темноту. Рэкетеры и кооператоры, футболисты и шпана из нового района – все рассыпаются в темноте и прочесывают пустыри, начинающиеся за парком, загоня невидимую жертву в сторону реки, не давая ей ускользнуть, странная гонка, полная азарта и радости, никто не хочет отставать, каждый пристально всматривается в черноту лета, пригибается к земле, пытаясь разглядеть врага, за рекой горят далекие электрические огни, будто в траве прячутся желто-зеленые солнца, которые мы хотим изгнать, чтобы рассеять вокруг себя тьму, которая густеет, как кровь, и обогревается нашим дыханием, как двигателями внутреннего сгорания.

4

В ту ночь он спал глубоко и спокойно, будто кто-то перегонял сквозь него сны. Они прокатывались через него, как вагоны с мануфактурой по узловой станции, и он просматривал их все, как начальник станции, от чего вид у него был сосредоточенный и ответственный. Спал он на улице, на своей любимой катапульте, где вчера, на ночь, выпил принесенные мной витамины. Я притащил из вагончика старую шинель и накрыл его, но ночью все равно пару раз просыпался и ходил проверить, все ли с ним в порядке. У ног его спали дворняги, забредшие с трассы. Ветер гонял по ночной площадке бумажные пакеты. На плечо ему садились птицы, а в открытые ладони заползали муравьи, слизывая с кожи красные витаминные пятна. Ночью в северном направлении исчезли последние облака, по небу рассыпались созвездия, и погода снова напомнила о начале июня. Июнь в этих местах пробегал быстро и насыщенно – стебли наполнялись горьковатым соком и листья делались шероховатыми, как кожа на морозе. С каждым днем становилось все больше пыли и песка, которые попадали в ботинки и складки одежды, скрипели на зубах и сыпались из волос. В июне воздух прогревался, как военные палатки, и начиналась теплая пора разомлевших мужчин на улицах и шумных детей в водоемах. Уже утром стало понятно, что готовиться нужно к жаркому лету, которое продлится бесконечно и выжжет все, что попадет под руку, включая кожу и волосы. И даже летние дожди никого не спасут.

Просыпался Коча долго и чувствовал себя с утра опечаленным, как в детстве, когда приходилось вставать вместе с родителями, которые спешили на работу и заставляли собираться в школу. Проснувшись, ходил вокруг гаража, кормил собак черным хлебом, задумчиво осматривал долину, наконец пошел будить меня. Усевшись на соседний диванчик, долго рассказывал какие-то несвязные истории о своей бывшей жене, доставал фотокарточки, нашел где-то под диваном дембельский альбом, обтянутый шинельным сукном, совал его мне. Я лениво отбивался, пытаюсь снова заснуть, но после дембельского альбома сделать это было не так-то просто. Наконец поднялся и, завернувшись в колючее больничное одеяло, стал слушать. Коча рассказывал о любви, о том, как встречался со своей будущей женой, о сексе на переднем сиденье старой волги. Почему не на заднем? – переспросил я его, – все же делают это на заднем; дружище, – объяснил Коча, – в старых волгах переднее сиденье – сплошное, как и заднее, поэтому нет никакой разницы, где этим заниматься, ясно? Ясно, – ответил я ему, – нет никакой разницы. И Коча благодарно кивал головой – правильно, дружище, ты все верно сечешь, – и с этим пошел варить чифир.

Спустя какое-то время с заправки просигналила первая машина. Коча раздраженно нацепил очки и поспешил на выход.

– Коча, – сказал я ему, – давай помогу.

– Да ладно, Гер, – отмахнулся он, – от тебя такая помощь...

– Ну какая есть.

– Ну давай. – Он ждал в дверях, пока я искал свою одежду. – Только надень что-нибудь. Куда ты в своих джинсах? У меня там под диваном есть что-то старое, поищи, ладно? – И ушел.

* * *

Под диваном у него были два чемодана, набитых тряпьем. Все это отдавало табаком и одеколоном. Я брезгливо порылся в первом чемодане, нашел черные военные штаны, латан-

ные на коленях, но еще вполне товарного вида, с сильным запахом одеколona. Открыл другой чемодан, вынул бундесверовскую куртку, мятую, но не рваную. Натянул ее на плечи. Куртка была тесноватой, Коча, наверное, поэтому ее и не носил, он был примерно одной со мной комплекции. Но особенно выбирать было не из чего. Я посмотрел в окно. Отражение дробилось солнцем и исчезало в лучах. Можно было распознать лишь какие-то очертания, тень. Со стороны я напоминал танкиста, чей танк давно сгорел, но желание воевать осталось. С этими мыслями и пошел трудиться.

* * *

В девять приехал Травмированный. Критически оглядел мою рабочую одежду, хмыкнул и пошел к себе в гараж. Я, по большому счету, не так помогал, как мешал. Пару раз разлил бензин, долго разговаривал с каким-то дальнбойщиком, который гнал в Польшу, постоянно цеплялся к Коче, не давая ему выполнять профессиональные обязанности. Наконец он не выдержал и отправил меня к Травмированному. Тот все понял, дал мне пропитанную бензином тряпку и велел очищать какой-то лом, облепленный илом, ржавчиной и масляной краской. Через полчаса такой работы я вконец заскучал, все же многолетнее отсутствие физического труда сказывалось. Шура, – сказал Травмированному, – давай перекурим. Здесь не курят, – ответил на это Травмированный, – это бензозаправка. Ладно, – сказал спустя минуту, – пойдешь отдохни, потом вернешься. Я так и сделал.

* * *

Около полудня подключили телефон. Я набрал Болика. Голос у него был глухой и раздраженный.

– Герман! – кричал он мне. – Как ты там?

– Нормально, – отвечал я. – Здесь курорт. Река рядом. Шуки ловятся.

– Герман! – пытался докричаться до меня Болик. – Какие, на хуй, шуки? Какие шуки, Герман? У нас отчетно-выборная конференция на этой неделе, Герман. А ни хуя не готово, брат. И вообще ты нам нужен, по бизнесу. Ты когда будешь?

– Вот, Боря! – кричал я ему. – Вот именно об этом я и хотел с тобой поговорить. По ходу я задержусь.

– Что, Гера? Что ты сказал?

– Задержусь, я сказал, задержусь!

– Как это удержишься? Надолго?

– Неделя – максимум. Не больше.

– Герман, – вдруг серьезным голосом спросил Болик. – У тебя там все нормально? Может, чем-то помочь надо?

– Да нет, – я говорил легко и убедительно, – расслабься. Через неделю буду.

– Ты же там не останешься, правда? – В голосе Болика действительно слышалось какое-то то ли беспокойство, то ли недоверие, то ли даже надежда.

– Да нет, ну что ты.

– Герман, я тебя давно знаю.

– Тем более.

– Ты же не сделаешь этого?

– Не волнуйся, я же сказал.

– Герман, просто прежде чем сделать глупость, подумай, хорошо?

– Хорошо.

- Подумай о нас, твоих друзьях.
- Я думаю о вас.
- Прежде чем сделать глупость.
- Ну, ясно.
- Подумай, хорошо, Герман?
- Ну а как же.
- Давай, брат, давай. Мы любим тебя.
- И я вас, Боря, я вас тоже люблю. Обоих. Тебя больше.
- Не пизди, – Болик наконец положил трубку.
- Да-да, – кричал я, слушая с той стороны короткие гудки, – и я по тебе тоже! Очень-очень!

* * *

После этого я несколько раз набирал брата. Тот упорно не отвечал. Солнце заливало комнату, пыль стояла, как взмученная рыбой речная вода. Я смотрел в окно и чувствовал, как опускается теплое нутро июня, касаясь всего живого на этой трассе. Что делать дальше? Можно было еще раз спуститься в долину, попытаться найти друзей и знакомых, которых я не видел сто лет, поговорить с ними, расспросить о делах, о жизни. Можно было еще сегодня уехать отсюда какими-нибудь попутками, выбраться подальше от всего этого ада, с тысячью лучей и воспоминаний, которые забивали легкие и слепили глаза. Проще всего было, конечно, все это продать. А бабки разделить с компаньонами. Брат, скорее всего, обижаться не стал бы. Даже если бы стал, что бы это изменило? Особого выбора он мне не оставил. Можно какое-то время тусоваться здесь с Кочей, пока тепло и шуки ловятся, делать вид, что хочу помочь, заливать бензин в фуры. Но рано или поздно придется иметь дело с документами, налогами, всем тем хламом, которого я избегал всю свою жизнь. Теперь история с регистрацией фирмы на мое имя казалась странной и неразумной, брат должен был это все предусмотреть, он, в отличие от меня, все всегда просчитывал, зачем ему было подставлять меня, я так и не понял. А главное – почему он теперь исчез, ничего не объяснив, не оставив никаких распоряжений: мол, делай что хочешь, хочешь – продай все, не морочь себе голову, хочешь – раздай бедным, перепиши контору на детский приют, пусть сами заправляют бензином весь этот ковбойский автотранспорт, а хочешь – просто подожди эту будку, вместе со свидетельством о регистрации, и поезжай домой, где тебя ждут верные друзья и интересная работа. Но он никаких распоряжений не оставлял. Просто исчез, как турист из отеля, вытащив меня на просмоленные солнцем холмы, на которых я всегда чувствовал себя неуверенно, еще с детства, от первых воспоминаний, и вплоть до последних лет, проведенных здесь, вплоть до того прекрасного осеннего дня, когда мы с родителями выбрались отсюда, когда наш папа, отставной военный никому не нужной армии, получил жилье неподалеку от Харькова, и мы уехали. Брат тогда остался, не захотел ехать, даже говорить об этом не хотел, с самого начала сказал, что останется, и, кажется, так до конца и не простил нам этого бегства. Прямо он об этом никогда не говорил, но я всегда чувствовал отчужденность с его стороны, особенно по отношению к родителям, которые сдались и покинули эту долину, со всем ее солнцем, песком и шелковицей. Он остался, врылся в холмы и отстреливался на все стороны, не желая уступать свою территорию. Ничем не оправданное упрямство, которого я никогда не понимал, это нас и отличало, он способен был до последнего цепляться за пустую землю, я легко уступал пустоту, пытаясь от нее избавиться. Наконец жизнь все решила по-своему – он сидел в Амстердаме, я застрял на этом холме, с которого, казалось, был виден конец света, и он мне откровенно не нравился.

Коча совсем обессилел, сидел на катапульте и лениво отбивался от водителя, какого-то своего давнего приятеля, который так же лениво пытался подбить его продолжить работу, то

есть заправить его перед дальней дорогой. Я вышел во двор и сменил Кочу на его боевом посту. Солнце пахло бензином и висело над нашими головами, как бензиновая груша.

* * *

Работа внесла в мое смятение определенную размеренность и упорядоченность. Когда тебе есть чем заняться, ты меньше думаешь о коридорах будущего, по которым так или иначе придется пройти. Я помогал компаньонам, до вечера крутился под оранжевым июньским небом, а вечером Коча достал консервы, забил пару папирос и надел мои наушники. Мы сидели под яблоневыми ветками молча и расслабленно, ощущая кожей, как садится солнце и от реки постепенно поднимается свежесть. Когда совсем стемнело, Травмированный стал собираться, мылся под желтым пластмассовым рукомойником, поливался духами. Надел свою пижонскую белую рубашку и спустился в долину, к золотому электричеству и сиреневым теням в переулках, где его ждали любовницы, открыв окна в черную и прохладную ночь.

* * *

Свежий воздух и сладкий драп делали сон глубоким и размеренным, как старое русло; кожа, разгоряченная солнцем, к утру охлаждалась, хотя простыня еще долго сохраняла тепло, которое передалось от тела. Утром Коча поднял меня своими байками, приготовил завтрак и выгнал на улицу чистить зубы. Все это напоминало какое-то детское туристическое путешествие, я совсем выпал из времени, неожиданно получив отпуск, круиз на бензозаправку, и теперь слегка ошалело бродил среди скатов, оплетенных травой, и ржавого железа, в котором скрывались полевые птицы. Травмированный смотрел на меня так же недоверчиво, но не слишком строго; следующим вечером, уже в среду, снова достал мяч, вынес из гаража две банки из-под краски и, поставив меня в эти импровизированные ворота, долго оттачивал удар левой. Кое-кто из водителей меня узнавал, здоровался, спрашивал, как дела, надолго ли я и где мой брат. Я избегал прямых ответов, говоря, что все нормально, хотя понимал, что говорю это неискренне. В конце концов, кому какое дело.

* * *

В четверг после обеда появилась Ольга. Приехала на своем скутере с большой плетеной корзиной на плече. Корзина билась о руль и мешала ехать, Ольга с легкостью обогнала фуру, соскочила с трассы и, промчав к заправке, вырулила перед нами. Мы с Кочей сидели в креслах и отгоняли назойливых ос, что кружились вокруг, одурманенные запахом табака и одеколона. Ольга соскочила со скутера, поздоровалась с Кочей, кивнула мне головой.

- Ты еще здесь? – спросила.
- Да, – ответил я, – решил взять отпуск. За свой счет.
- Понятно, – сказала Ольга. – Как там твои друзья?
- Какие друзья?
- На джипе.
- А, эти. Прекрасно. Оказались милыми людьми.
- Seriously? – не поверила Ольга.
- Крутили мне музыку, предлагали дружить.
- Ну и как?
- Музыка? Говно.

– А дружить?

– Я думаю, – признался я.

– Ну-ну, – холодно сказала Ольга. – Вот, Коча, держи, – протянула ему корзину и пошла в гараж к Травмированному. Поблагодарить Коча не успел.

В корзине оказался свежий хлеб и молоко в пластиковой бутылке из-под кока-колы. Коча с удовольствием отломил кусок хлеба и ухватил его своими желтыми и крепкими, как у старого пса, зубами. Протянул мне бутылку с молоком. Я отказался. Скутер сверкал белыми боками, быстро нагреваясь под солнечными лучами. В долине было тихо, между деревьями сновали птицы, стараясь отыскать в воздухе наименее прогретые участки.

Через некоторое время из гаража вышла Ольга. За ней, в рабочей одежде, вытирая шею белоснежным платком, пыхтел Травмированный. В руке держал какие-то бумаги, которые, очевидно, только что получил от Ольги, недовольно размахивал ими и пытался что-то ей объяснить. Но та его даже не слушала.

– Шура, – сказала она, – ну что ты от меня хочешь?

Травмированный скомкал бумаги, засунул их в карман куртки и, размахивая кулаками, исчез в гараже.

– Что там у вас? – спросил я на всякий случай.

– Ничего, – бросила Ольга. Села на скутер, завела его, посидела так какой-то миг, заглушила двигатель. – Герман, – сказала, – у тебя сейчас много работы?

– Вообще много, – растерялся я. – Но вот как раз сейчас у меня перерыв.

– Давай сходим на речку, – предложила она. – Коча, – обратилась к старику, – ты не против?

Коча в знак согласия сделал большой глоток.

– Ну что – ты идешь? – Ольга снова соскочила со скутера и двинулась по склону вниз. Мне не оставалось ничего другого, как встать и пойти следом.

Она шла впереди, выискивая тропку между густыми кустами терновника и молодыми шелковицами. Склон круто обрывался, трава забивалась ей в кроссовки, со стеблей взлетали бабочки и осы, под ногами мелькали изумрудные ящерицы. Я едва успевал за ней, изнемогая от гонки сквозь раскаленный воздух. Зелени становилось все больше, долина то появлялась из-за высоких веток, то скрывалась за ними, несколько раз дорожка просто исчезала, тогда Ольга легко спрыгивала в траву и пробиралась вперед. В конце концов я не удержался на ногах и покатился вниз, по горькой полыни, проклиная все на свете.

– Эй, что там? – крикнула Ольга откуда-то снизу. – С тобой все в порядке?

– В порядке, в порядке, – недовольно ответил я.

Мне не нравилось, что она заметила и мою усталость, и то, как я скатился в эти травы, и то, что я не выдерживаю темпа, который она задала еще там, на горе. Ну, давай, думал, подожди и протяни мне руку помощи. Зачем-то же ты меня затащила в эти дебри. Давай, подожди ко мне.

Но она и не думала подходить. Она стояла где-то внизу, за стеблями, невидимая и разгоряченная бегом, стояла и ждала, поэтому я вынужден был подняться и, вытряхивая из карма-

нов песок, двинуться вперед, на ее дыхание. Дальше шли молча. Река была не так близко от заправки, проще было спуститься сюда по трассе, но Ольга упрямо обходила деревья и кусты, продиралась сквозь сорняки, перепрыгивала через норы и ямы, как вдруг дорожка оборвалась – внизу, прямо под нами, поблескивала река. Ольга шагнула вперед и, скользнув по крутому меловому склону, легко съехала к воде. Я обреченно скатился за ней. На берегу был небольшой клочок песка, окруженный со всех сторон камышом.

- Только не смотри, – сказала она. – Я без купальника.
- Я вижу, – ответил я.

Она сбросила свое длинное платье, под которым оказались только белые трусики, и ступила в воду. Я хотел отвернуться, но не успел.

- И плавать я не умею, – сказала она, стоя в воде по шею.
- Я тоже, – ответил я, сбросил свои танкистские доспехи и пошел к ней.

Вода была теплая, меловые горы, отражая солнечные лучи, прогревали ее, в такой воде совсем не хотелось двигаться.

– Я, – сказала Ольга, – когда-то работала пионервожатой в пионерском лагере. Это километров пятьдесят отсюда. И каждый день нам с напарницей приходилось вылавливать из реки пионеров.

- Утопленников, что ли? – не понял я.

– Нет, каких утопленников? Нормальных живых пионеров. Они заплывали в камыши и прятались там до вечера. Знали, что мы плавать не умеем. Ты представляешь, какая это ответственность?

- Представляю, – сказал я. – А мы с друзьями рыбу глушили в этой реке.

- Тут есть рыба?

- Нет. Но мы ее все равно глушили.

– Понятно, – сказала Ольга. Капли воды в ее рыжих волосах медно поблескивали, а морщинки под глазами совсем разгладились от теплой воды. – У тебя здесь много друзей?

- Да. Друзей детства.

- Чем они отличаются от других друзей?

- Они многое помнят.

- Герман, у тебя комплексы.

- У меня много комплексов. Например, я не умею плавать.

- Я тоже не умею плавать, – жестко сказала Ольга. – Но не комплекую по этому поводу.

- Вот так и утонешь – незакомплексованной.

– Не утону, – уверенно сказала Ольга. – Нельзя утонуть в реке, в которой плаваешь всю жизнь.

- Может, и так. Просто я в ней давно уже не плавал.

Насекомые пробегали по поверхности воды, как рыбаки зимой по серому льду.

- Что ты решил? – не выдержала Ольга. – С этой заправкой.

- Не знаю. Решил подождать. Время у меня есть. Может, брат вернется.

- Ясно. И сколько будешь ждать?

- Не знаю. Лето длинное.

- Знаешь, Герман, – сказала она вдруг, отгоняя ос, – я тебе помогу, если нужно будет.

- Хорошо, – ответил я ей.

- Но я хочу, чтобы ты понял – это только бизнес. Ясно?
- Ясно.
- Тогда что ты опять на меня пялишься? Я же сказала, что без купальника.

Вода уносила ветки и ворочала по песчаному дну черную траву, насекомые нависали над водой, приликая к ее клейкой поверхности, вязкая и тягучая полуденная река не столько текла, сколько жила.

Через какое-то время мы выбрались на берег и начали собираться. Ольга снова попросила не смотреть, незаметным движением стянула с себя мокрые трусики и, зажав их в ладони, стала натягивать платье. Мы двинулись и, взобравшись на меловые утесы, побрели вверх, вслед за вечерним солнцем, уже севшим за холмы. Ольга шла впереди, крепко сжимая в левой ладони трусики, платье облепило ее мокрое тело, и я вообще старался на нее не смотреть. На заправке она забрала у Кочи пустую корзину, незаметно бросила туда белье, пошептала о чем-то с Травмированным, после чего тот кинул на меня суровый взгляд, села на скутер и растворилась в вечернем воздухе, словно ее и не было.

* * *

Вечером Коча хрипло рассказывал о своих женщинах, об их коварстве, неразумности и нежности, за которые он их и любил. Консервы заканчивались, я дал Коче денег, он сел на старую украину и поехал вниз, за харчами. Я остался сидеть в кресле, наблюдая за тем, как над трассой проплывают красные потоки, воздух сжимается от пыли и сумерек, а небо становится похожим на томатную пасту.

* * *

Это были удивительные дни – я оказался среди давно знакомых и совершенно неизвестных мне людей, которые смотрели настороженно, что-то от меня требуя, ожидая каких-то поступков с моей стороны. Они все будто замерли, выжидая, что же я теперь скажу и как именно начну действовать. Меня это откровенно напрягало. Я привык отвечать за себя и за свои поступки. Но здесь был немного другой случай, другая ответственность. Она свалилась на меня, как родственники с вокзала, и избавиться от нее было не то чтобы невозможно, а просто как-то неловко. Я жил своей жизнью, сам решал свои проблемы и старался не давать незнакомым лишний раз номер своего телефона. И вот вдруг оказался посреди этой толпы, чувствуя, что так просто они меня не отпустят, что придется выяснять отношения и выходить как-то из сложившейся ситуации. На меня тут, похоже, рассчитывали. Мне это откровенно не нравилось. Главное – очень хотелось горячей пиццы.

* * *

На следующий день, то есть в пятницу, ближе к вечеру, к нам прибыл странный персонаж, который тут же обратил на меня внимание, да и я его тоже заметил. Приехал он на старом уазе, на таких машинах раньше ездили агрономы и прапорщики, ехал с севера, возвращался в город, одет был, как и я, в военные брюки и камуфляжную майку. На голове какая-то эсэсовская фуражка. Смотрел на всех с подозрением. Молча приветствовал Кочу, отдал честь Травмированному, прошел с ним в гараж. Увидев мою бундесверовскую куртку, подошел, поздоровался.

- Хорошая куртка, – сказал.
- Нормальная, – согласился я.
- Это хорошее сукно. Ты Герман?
- Герман, – ответил я.
- Королев? Юрика брат?
- Ну.
- Ты меня, наверное, не помнишь, я делал с твоим братом бизнес.
- Здесь все делали с моим братом бизнес, – слегка раздраженно сказал я.
- У нас с ним были особые отношения, – он постарался выделить слово «особые». – Он брал у меня горячее для самолетов и продавал куда-то в Польшу. Фермерам.
- У тебя – это где?
- На аэродроме.
- Ты работаешь на аэродроме?
- На том, что от него осталось. Эрнст, – представился он и протянул руку.
- Что это у тебя за имя?
- Это не имя, это погоняло.
- А зовут тебя как?
- Да так и зови – Эрнст. Я уже привык. Ты кто по образованию?
- Историк.

Он изменился в лице. Внимательно осмотрел меня с головы до ног, осторожно взял под локоть и, выведя из гаража, потащил в сторону, от удивленных Кочи с Травмированным.

- Знаешь, Герман, – он все еще держал меня под локоть, уводя подальше от заправки. – Я тоже историк. Эта работа, на аэродроме, просто так получилось. Ты что заканчивал?
- Харьковский университет.
- Истфак?
- Истфак.
- Где практику проходил?
- Да под Харьковом и проходил.
- Копал?
- Копал.
- А что можешь сказать по поводу «Мертвой головы»?
- Какой головы?
- Мертвой. Дивизия такая была.
- Ну, – заколебался я, – ничего хорошего.
- Вот что, Герман, – он больно сжал мне локоть. – Ты обязательно должен приехать ко мне на аэродром. Я открою тебе глаза.
- На что? – не понял я.
- На все. Ты же ничего не понимаешь.
- А ты понимаешь?
- А я понимаю. Я, Герман, перекопал здесь все до самого Донбасса. Короче, так – жду тебя в понедельник. Приедешь?
- Приеду, – согласился я.
- Найдешь?
- Найду.
- Вот и хорошо.

Он решительно повернулся и направился к уазу. Подошел к Коче, сунул ему бабки за бензин и запрыгнул в кабину.

– В понедельник! – крикнул на прощанье.

Когда пыль за ним рассеялась, я подошел к Коче.

– Кто это? – спросил.

– Эрнст Тельман, – ответил с удовольствием Коча, – лучший друг немецких пионеров.

– Что за имя?

– Нормальное имя, – засмеялся Коча. – Механик с аэродрома.

– Наверное, я его знаю.

– Здесь все друг друга знают, – словно повторил за кем-то Коча.

– Он нам спирт сливал, из каких-то авиационных запасов. Лет двадцать назад, – начал вспоминать я.

– Вот видишь, – согласился Коча.

– А почему Эрнст?

– Он перекопал тут полдолины. Ищет немецкие танки.

– Танки?

– Угу.

– Зачем ему танки?

– Не знаю, – признался Коча. – Для самоутверждения. Он говорит, что где-то здесь в наших местах осталось несколько танков. Ну, и ищет теперь. У него дома целый фашистский арсенал – автоматы, снаряды, ордена. Но при этом он не фашист, – предупредил Коча. – Поэтому и Эрнст Тельман.

– Ясно, – понял я.

– Немецкий танк, – добавил, подойдя, Травмированный, – больших денег стоит. Только хуй он что откопает.

– Почему? – не понял я.

– Гера, – раздраженно сказал Травмированный, – это же не мешок картошки, это 60 тонн железа. Чем он его, саперной лопаткой копать будет? Ладно, давай работать.

Травмированный недовольно развернулся и исчез в гараже. Я побрел за ним. 60 тонн, думал, и правда не мешок картошки.

* * *

Для себя я открыл, что работа может приносить если не удовольствие, то, по крайней мере, чувство честно выполненного долга. Последний раз нечто подобное я испытывал в третьем классе местной школы, когда нас вывозили собирать яблоки в совхозных садах, и мы усердно искали тяжелые опавшие плоды в холодной сентябрьской траве. В субботу машин было больше, чем обычно. Они двигались на север, в сторону Харькова. Коча радостно считал бабло, переживая, хватит ли на всех запасов горючего, поскольку бензовоз должен был приехать только на следующей неделе.

* * *

Днем, когда очередь убавилась, а солнце вошло на высшую точку, я сбросил тяжелые рукавицы, предупредил Кочу, что отойду на час, и двинулся вдоль холма, подальше от трассы. Даже не знаю, куда именно я собирался идти, скорее всего, просто нужно было от всего этого отдохнуть, пройтись по живописным окрестностям, так сказать. Спустившись с холма в балку и выбравшись наверх, я вышел на бескрайние кукурузные поля, тянувшиеся до горизонта, да

и за горизонтом, похоже, они точно так же тянулись. Никакой дороги здесь не было, поэтому я просто пошел вперед, стараясь, чтобы солнце светило в спину и не слепило глаза. Пейзаж был салатным от молодой кукурузы и черным от сухой земли, кое-где попадались небольшие впадины, местность напоминала поле для гольфа, на котором зачем-то посеяли кукурузу. Вдруг впереди, метрах в двухстах, заметил какую-то фигуру, кто-то замер, прислушиваясь к окружающей тишине. Я не мог разглядеть, кто именно это был, и подумал, что мы, наверное, странно здесь выглядим среди кукурузы, среди черноземных массивов, странно и подозрительно. А подойдя ближе, узнал Катю. На ней был джинсовый комбинезон, в котором, наверное, было тяжело двигаться в такую жару. Под комбинезоном – ярко-желтая майка. На ногах – те же самые сандалии, что и в прошлый раз. Она меня тоже заметила, стояла и ждала, пока я подойду.

- Что ты здесь делаешь? – спросил я вместо приветствия.
- А ты? – она, похоже, совсем не удивилась, увидев меня.
- Тебя искал.
- Ага, рассказывай, – она смотрела холодно и недоверчиво.
- Привет, – протянул ей руку.

Она какое-то мгновение подумала, потом протянула свою. Даже улыбнулась, хотя скорее пренебрежительно, чем дружески.

- Так что ты тут делаешь?
- Пахмутову ищу.
- Кого? – не понял я.
- Пахмутову. Овчарку. Она постоянно сюда убегает, в поля.
- Вернется. Собаки – они мудрые.
- Да она старая совсем, – обеспокоенно сказала Катя. – У нее склероз. Она пару раз выбегала на трассу, я ее потом еле находила. Хорошо, что ее тут все знают, поэтому никто не трогает.
- Так привяжи ее. Чтобы она не убегала.
- Давай я тебя привяжу, – разозлилась Катя. – Чтобы ты не убежал.
- Ну ладно, ладно – примирительно сказал я.

Но Катя уже не слушала. Отвернулась и стала звать свою овчарку.

- Пахмутова! – кричала она в пустые поля. – Пахмутоваааа!

И тут появился странный звук. Он нарастал, распадаясь на дребезжащие ноты, и расклевывал собой тишину, как ледокол речные льды. Катя сразу напряглась и посмотрела вверх. По небу двигался странный предмет. Двигался он в нашу сторону, и вскоре я понял, что это кукурузник, АН-2. Неожиданно Катя бросилась ко мне и, потянув за рукав, упала на землю. Я упал на нее. Ничего себе, подумал. А Катя тут же зашептала:

- Лежи тихо и не двигайся. И прикрой меня. У меня майка яркая, могут заметить.
- Кто? – не понял я.
- Кукурузники.
- Это что – их авиация?
- Да. Лучше им на глаза не попадаться. Они не любят, когда кто-то заходит на их территорию. Могут быть проблемы.
- Да ладно, – я попытался подняться.

Но Катя резко потянула меня на себя и сказала с неподдельным испугом в голосе:

– Лежи, я сказала!

Я уткнулся лицом ей в плечо. Земля под ее волосами была сухая и потрескавшаяся, по кукурузным стеблям пробегали муравьи, и пыль забивалась Кате в черные волосы. Глаза у нее были цвета пыли, она будто пыталась слиться с местностью и остаться незамеченной. Самолет тем временем приближался, гудел отчаянно и угрожающе, и в какой-то момент я прикрыл Катю собой, втиснувшись в нее, как в траву. Она настороженно дышала и вдруг скользнула рукой мне под футболку.

– Ты совсем мокрый, – сказала удивленно.

– Это от солнца.

– Лежи тихо, – повторила.

– Какой у тебя неудобный комбинезон, – я попытался расстегнуть пуговицы на шлейках и просунуть руку ей под футболку, но они не поддавались, я напрасно их дергал и тянул на себя, нервничал и злился, а она как-то отстраненно и невесомо касалась моей кожи, при этом даже не глядя на меня. Она вся сосредоточилась на этом самолете, который вдруг тяжелой тенью скользнул по нашим телам, оглушил ревом и быстро стал отдаляться, оставляя после себя дым, чад и пустоту. Мне даже удалось расстегнуть ей одну из пуговиц, но тут она, похоже, почувствовала, что опасность миновала, и сразу же, вытянув свою руку из-под моей футболки, легко меня оттолкнула.

– Все, хватит, – сказала и поднялась.

– Погоди, – не понял я. – Куда ты?

– Вставай.

– Куда ты? Подожди.

– Хватит, – спокойно повторила она и застегнула пуговицу, над которой я так долго бился. Черт, подумал я.

И вдруг услышал над головой тяжелое дыхание. Поднявшись, увидел рядом с собой овчарку. Я даже не заметил, когда она подошла. Теперь старушка Пахмутова стояла рядом и смотрела на меня с каким-то неподдельным удивлением – мол, что ты от нас хочешь. И я не знал, что ей ответить.

– Все, пошли, – сказала Катя и направилась в сторону телевизки, торчавшей из-за горизонта. Пахмутова охотно последовала за ней. Я отряхнул пыль и обломанно побрел за ними.

По дороге Катя молчала, на мои попытки завязать разговор не обращала внимания, что-то мурлыкала себе под нос и говорила в основном с Пахмутовой. У ворот вышки остановилась и протянула мне руку.

– Спасибо, – сказал я. – Извини, если что не так.

– Да ладно, – ответила она спокойно. – Все в порядке. Не забредай в кукурузу.

– Что ты их так боишься?

– Я их не боюсь, – ответила Катя. – Я их знаю. Все, я ушла.

– Подожди, – остановил я ее. – Что ты вечером делаешь?

– Вечером я делаю уроки. И утром тоже, – добавила она.

Овчарка на прощание обнюхала мою обувь и тоже отправилась домой. Вечер трудного дня, подумал я.

* * *

Травмированный посмотрел на меня с подозрением, как будто все зная и понимая. Но промолчал. А уже собираясь домой, подошел и сказал:

– Короче, Герман, – голос его звучал глухо, но доверительно. – Ты нам завтра будешь нужен.

– Кому это вам?

– Увидишь, – уклонился от ответа Травмированный. – Мы заедем часов в одиннадцать. Будь готов. Дело серьезное. На тебя можно рассчитывать?

– Ну ясно, Шур, о чем речь.

– Я так и думал, – сказал на это Травмированный, сел в свою легковушку и покатил к трассе.

Ну вот, подумал я, началось. И не говори, что ты был к этому не готов.

5

Я долго думал над этой историей. Как получилось, что они меня втянули в свои разборки? Что я тут делаю? Почему до сих пор не уехал отсюда? Главное – что задумал Травмированный? Зная его характер и сложные отношения с реальностью, можно было от него ожидать всего, что угодно. Но как далеко он мог зайти? Ведь дело, думал я, касается бизнеса, поэтому насколько он готов защищать его? И какую роль в этой комбинации он приготовил мне? Я пытался понять, что ждет меня завтра днем, доживу ли я до следующего вечера и не стоит ли мне свалить отсюда прямо сейчас. Никто не мог гарантировать, что все закончится спокойно и бескровно, они все готовы идти на принцип – и Травмированный, и эти пилоты на кукурузнике, у всех у них слишком много амбиций, чтобы решать вопросы организационного характера без трупов. Все будто вернулось назад – школьные годы, взрослый мир, который находится совсем рядом, словно кто-то открыл дверь в соседнюю комнату и ты видишь все, что там делается, а главное – видишь, что ничего хорошего там в действительности нет, но теперь, поскольку дверь открыта, ты тоже каким-то образом становишься ко всему этому причастным. С такими мыслями плохо засыпать, они требуют решения. И решение зависит не только от тебя. Все решится тогда, когда рядом с тобой будут стоять братья по оружию. Но где они, эти братья, и кто они? Я стоял в темноте, ощущая настороженное дыхание и горячий стук решительных сердец. Ночь разгоралась, как свежий асфальт, до утра не оставалось ни времени, ни терпения. Возможно, это и был тот момент, когда нужно было решать – оставаться или убираться вон. И этот момент я проспал.

* * *

Проснулся я рано, понимая, что время для отступления потеряно и отступать просто некуда. Выйти вот просто так на солнечный свет, который уверенно заливал комнату, и покинуть эту территорию мне казалось невозможным. Ночью я еще бы смог это сделать, но не сейчас. Сразу стало проще думать, я встал и, стараясь не разбудить Кочу, начал собираться. Надел свои танкистские брюки, нашел под диваном тяжелые военные ботинки, поношенные, но вполне надежные. Подумал, что лучше сегодня быть в них, на случай кровавых стычек. Натянул на плечи футболку, вышел во двор. Среди металлолома нашел удобную арматуру. Взвесил на ладони. Именно то, что надо, подумал я, и пошел навстречу неизвестному.

Неизвестное, впрочем, задерживалось. После двухчасового загорания на креслах хотелось спать и есть, но я понимал, что перед подобными боевыми вылазками о еде лучше не думать. И в таком примерно настроении провалился в сладкий утренний сон.

Совсем рядом со мной, на расстоянии нескольких шагов, вдруг отворился воздух и появился непонятный сквозняк. Тянуло оттуда горячим ветром и тяжелым утробным жаром. Жар этот въедался в сон, так что мне показалось в какой-то момент, что я таки сбежал, собрался с силами и вырвался назад, к привычной жизни. И даже проснувшись, еще некоторое время чувствовал, как продолжается это солнечно-томительное ощущение дороги, как пылают передо мной огонь и пепел, от которых становится сладко и тревожно. Даже не открывая глаз, я догадался, в чем тут дело и что именно стояло сейчас передо мной, выдыхая адский жар. А стоял передо мной, прямо у моего кресла, тяжелый и горячий, как августовский воздух, икарус. Этот запах ни с чем не спутаешь, так пахнут трупы после воскрешения. Он стоял с выключенным двигателем и темными окнами, так что совсем не было видно, что там у него внутри, хотя там, несомненно, что-то было, я слышал приглушенные голоса и настороженное

дыхание, поэтому резко поднялся и попытался заглянуть в салон. Вдруг дверь отворилась. На ступеньках стоял Травмированный. Был в бело-голубой футболке сборной Аргентины и удивленно рассматривал мои военные ботинки.

- Ты что, – спросил, – так и поедешь?
- Ну, – ответил я, пряча арматуру за спину.
- А арматура зачем? – продолжал удивляться Травмированный. – Собак отгонять?
- Просто так, – растерялся я и забросил свое оружие в заросли.
- Ну-ну, – только и сказал Травмированный и, отступив в сторону, кивнул головой: давай, мол, заходи.

Я шагнул внутрь. Поздоровался с водителем, тот равнодушно кивнул в ответ, поднялся еще на одну ступеньку и оглядел салон. Было темновато, я сначала даже не разглядел, кто там сидел. Потоптался на месте, оглянулся на Травмированного, снова всмотрелся в автобусные сумерки и неуверенно помахал рукой, приветствуя пассажиров этого мертвенного транспорта. Это был сигнал. Автобус тут же взорвался, и по салону прокатился радостный свист и шум, и кто-то первым закричал:

- Здоров, Герыч, здоров, сучара!
- Здоров, – подключились сразу крепкие глотки, – здоров, сучара!

Я настороженно, однако на всякий случай приветливо, улыбался в ответ, не совсем понимая, что происходит. Но тут Травмированный легко подтолкнул меня в спину, и я сразу же упал в дружеские объятия, только теперь разглядев все эти лица.

Были тут все – и Саша Питон с одним глазом, и Андрюха Майкл Джексон с синими церковными куполами на груди, и Семен Черный Хуй с откушенным ухом и пришитыми пальцами на правой руке, и Димыч Кондуктор с наколками на веках, и братья Балалаешниковы – все трое, с одной на всех мобилой, и Коля Полторы Ноги с выкрашенной белым залысиной и гитлеровскими усиками, и Иван Петрович Комбикорм с угловатой от нескольких переломов головой, и Карп С Болгаркой – с болгаркой в руках, и Вася Отрицало с забинтованными кулаками, а еще дальше сидели Геша Баян и Сережа Насильник, и Жора Лошара, и Гоги Православный – одним словом, весь золотой состав «Мелиоратора-91» – команда мечты, которая рвала на куски спортивные общества отсюда и до самого Донбасса и даже выиграла Кубок области; заслуженные мастера спорта в отдельно взятой солнечной долине. Они сидели тут все, передо мной, весело хлопали по плечам, дружески ерошили мне волосы и радостно смеялись из тьмы салона всеми своими золотыми и железными фиксами.

- Что вы тут делаете? – спросил я, когда первая волна радости схлынула.

На какое-то мгновение воцарилась тишина. Но вдруг громкий рев прокатился надо мной – друзья, переглядываясь, весело смеялись и искренне радовались, глядя на мою растерянную рожу.

- Герыч! – кричал Гоги Православный. – Дарагой! Ну ты даешь!
- Ну ты и даешь, Гера! – вторили ему братья Балалаешниковы, заваливаясь на расшатанные кресла. – Ну ты и даешь, брат!

И все остальные тоже громко гоготали, хлопая меня по спине, и Саша Питон даже подавился своим кэмелом, а Сережа Насильник рыдал от смеха, уткнувшись в грудь Васи Отрицалы, которому это, впрочем, не слишком нравилось. И Жора Лошара, показывая на меня пальцем, смеялся, и Карп С Болгаркой, смеясь, размахивал в воздухе болгаркой, демонстрируя весь свой боевой пыл. Но вот Травмированный подошел сзади и спокойно положил руку мне на плечо. Все притихли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.